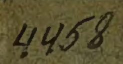
Чернов

Памяти Н.К. Михайловского

1 экз

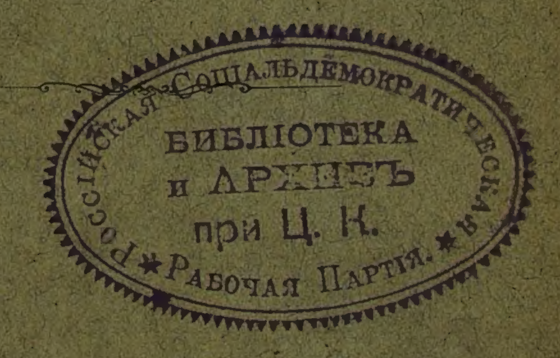
...Соціалистовъ-Революціонеровъ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Ю. Гарденинъ.

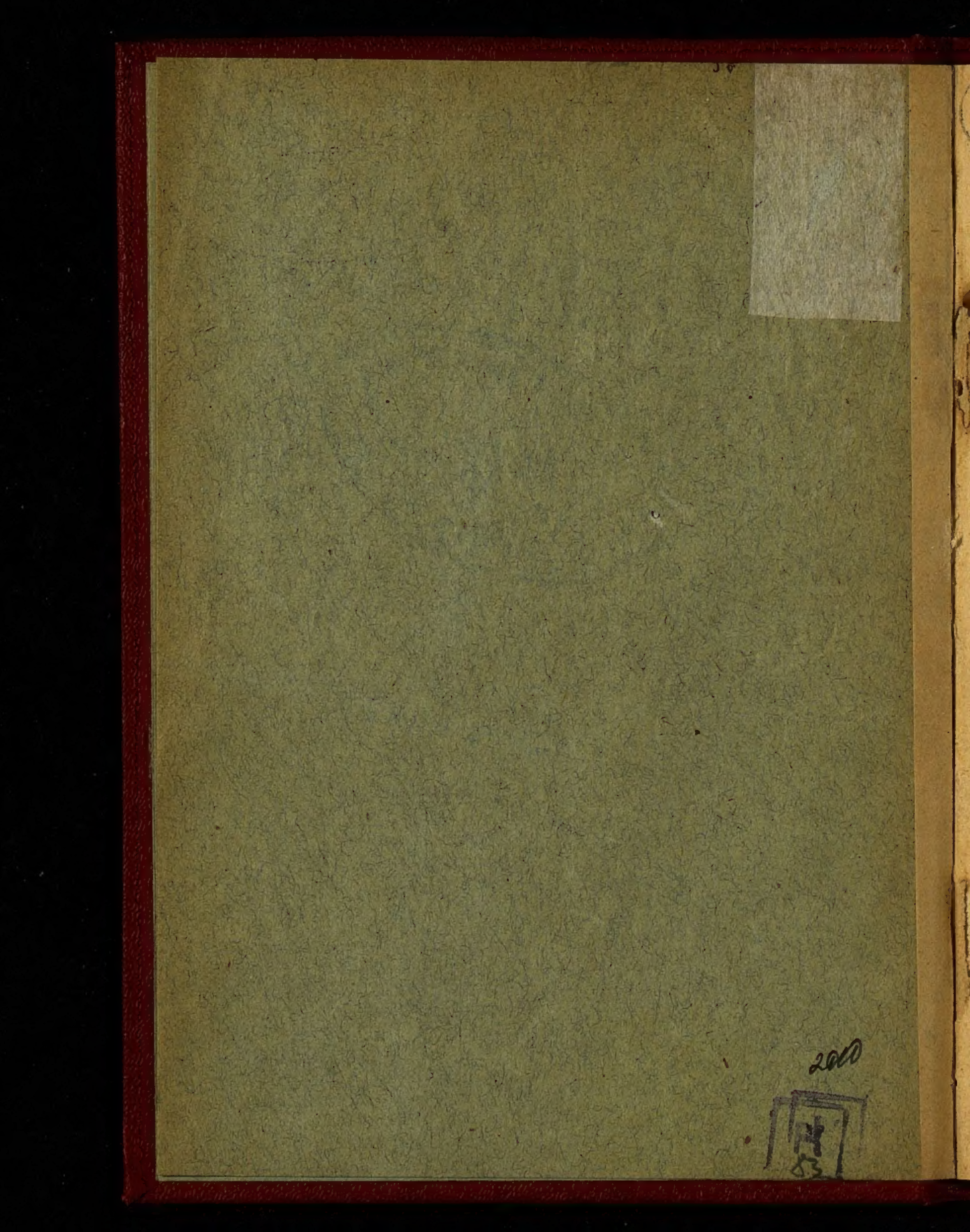
Памяти Н. К. Михайловскаго

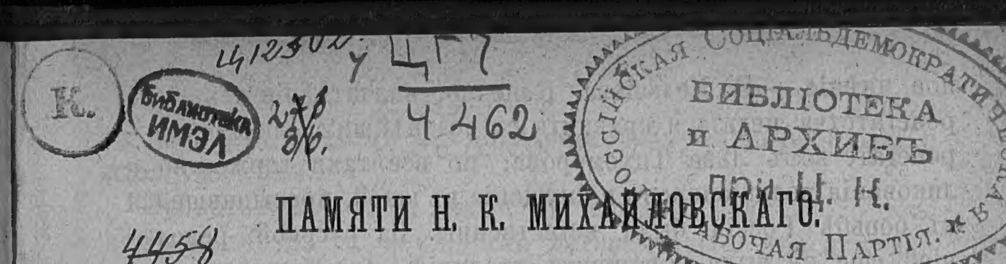
Какой свѣтильникъ разума погасъ
Какое сердце биться перестало!

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1904

2000
83

ПАМЯТИ Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Какой свѣтильникъ разума погасъ!
Какое сердце биться перестало!

I

Умеръ одинъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ мыслителей-соціалистовъ, умеръ послѣдній изъ могиканъ славнаго поколѣнія семидесятыхъ годовъ, умеръ человѣкъ, отражавшій въ своихъ писаніяхъ и неизмѣнный идеалистическій порывъ цѣлаго ряда революціонныхъ поколѣній русской интеллигенціи къ свѣтлому соціалистическому будущему, и мѣнявшуюся, въ связи съ перемѣной обстоятельствъ, ихъ тактику...

Здѣсь мы не задаемся цѣлью подводить итоги тому, что онъ далъ для этическаго, соціологическаго и общефилософскаго обоснованія соціализма. Теоретическая сторона дѣятельности этого необычайно многограннаго писателя, во первыхъ, слишкомъ сложна и широка, во вторыхъ — слишкомъ связана съ дѣятельностью другого, недавно похищеннаго смертью мыслителя — П. Л. Лаврова, чтобы ее можно было охватить въ короткой газетной статьѣ. И потому здѣсь мы остановимся лишь на связи литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго съ общественнымъ движеніемъ, съ общественной борьбой его времени. Быть можетъ, эта связь одними забыта, другимъ не была извѣстна, третьимъ рисуется въ смутныхъ очертаніяхъ — и напомнить о ней есть нашъ первый долгъ передъ памятью человѣка, умѣвшаго такъ связывать жизнь съ литературой и литературу съ жизнью...

Одной изъ первыхъ же своихъ статей Михайловскій откликнулся на событіе, въ свое время крайне взволновавшее и смутившее немногочисленные еще тогда ряды русскихъ революціонеровъ. Это было — политическое ренегатство бывшаго „сподвижника Герцена“, какъ называло его обществен-

ное мнѣніе — В. Кельсіева. Конечно, впечатлѣніе отъ этого ренегатства нельзя и сравнить съ позднѣйшимъ событіемъ — ренегатствомъ Льва Тихомирова, но все таки торжество и ликованія реакціонеровъ и смущеніе въ юной, просыпавшейся къ борьбѣ России были естественны. За русской революціей еще не было окрѣпшихъ традицій, она была еще молодымъ, свѣжимъ побѣгомъ отъ старыхъ корней русскаго общества; ея моральный престижъ долженъ былъ быть еще только установленъ, симпатіи и уваженіе общества — еще только завоеваны. Въ лицѣ «высочайше помилованнаго» ренегата, афишировавшаго свое выздоровленіе отъ вредныхъ и опасныхъ заблужденій соціализма и революціи, въ колеса новаго движенія вставлялась палка. Предстояло отшвырнуть ее — и это было первымъ литературнымъ дѣломъ Михайловскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ блестящей статьѣ онъ показалъ, что Кельсіевъ — вовсе не плоть отъ плоти и кость отъ костей настоящихъ борцевъ, что онъ не дитя новой исторіи, а жертва старой русской исторіи, ее дѣтище, попавшее лишь по недоразумѣнію въ революцію, искавшее въ ней не того, что ищутъ большинство лучшихъ людей — не служенія высокому идеалу, не удовлетворенія жаждѣ правдоискательства, а лишь удовлетворенія собственной жаждѣ сильныхъ ощущеній, фантастическому, авантюристскому складу своей натуры, лишенной всякихъ прочныхъ нравственныхъ началъ. И это первое ренегатство въ соціалистическомъ лагерѣ, такимъ образомъ, служило только къ чести этого послѣдняго.

Поднимавшее свою голову революціонное движеніе вообще должно было пережить много испытаній. Оно искало себѣ ощупью дорогу въ сгущавшихся сумеркахъ реакціи, брело тернистыми дорогами, прокладывало опасный путь черезъ ту пропасть, которую мачиха-исторія вырыла между вышедшей изъ культурной среды интеллигенціей и трудовыми массами. Воспринявъ новое евангеліе соціализма отъ Интернаціонала, революціонная молодежъ смѣло пошла бросать сѣмена новаго ученія въ каменистую, невзрыхленную почву своей необъятной родины. Народная жизнь была еще для нея дремучимъ лѣсомъ. Проѣзженныхъ дорогъ не было, и

за каждымъ кустомъ ее подкарауливали хищные звѣри и ядовитые гады...

Правительство уже готовилось извести крамолу до тла, вырвать ее съ корнемъ. Его литературные прислужники зорко сторожили каждый шагъ молодого движенія, чтобы при первой крупной ошибкѣ накинуться на него изъ подъ своихъ литературныхъ подворотенъ. И, наконецъ, поводъ былъ поданъ. Дѣло Нечаева показалось темнымъ силамъ прошлаго удобнымъ случаемъ, чтобы, затѣявъ публичный процессъ, погубить въ глазахъ общества новое направленіе, взваливъ на него всѣ индивидуальные грѣхи «нечаевщины»... Ударъ, казалось, былъ нанесенъ рѣшительно и вѣрно. На помощь правительству пришелъ здѣсь и огромный, но больной талантъ Достоевскаго, когда - то пострадавшаго по дѣлу кружка петрашевцевъ, нравственно искалѣченнаго каторгой, впавшаго въ мистицизмъ и воображавшаго себя новымъ пророкомъ великой православной миссіи славянства. Своимъ яркимъ перомъ онъ изобразилъ жертвъ революціи, какъ невѣжественныхъ безумцевъ, порвавшихъ съ народной правдой, чужихъ русской душѣ, оторвавшихся отъ истинной національной подоплеки и превратившихся въ безпочвенныхъ «общечеловѣковъ», въ комичныхъ citoyens du monde civilisé. Въ своихъ «Бѣсахъ» онъ уподобилъ картину краха нечаевскаго дѣла евангельской картинѣ о тѣхъ бѣсахъ, которые вошли въ стадо свиней и заставили ихъ броситься въ море и потонуть. Такъ встрѣчены были первыя жертвы правительственной репрессіи 70 - хъ годовъ ...

«Отечественныя Записки», въ лицѣ Михайловскаго, смѣло выступили въ качествѣ идейнаго представителя людей, на которыхъ обрушилась эта постыдная травля. Въ цѣломъ рядѣ статей Михайловскій показывалъ, что трудовыя основы жизни низшихъ, эксплуатируемыхъ классовъ и вытекающіе изъ этихъ основъ элементы народной психологіи и міросозерцанія какъ разъ и даютъ то, что, въ своемъ логическомъ развитіи и научной обосновкѣ, составляетъ позоримый Достоевскимъ общественный идеалъ извѣстной части русской интеллигенціи. И въ отвѣтъ на указаніе, будто она «оторвалась отъ народной правды» и навязываетъ народу какія

то чуждыя его жизни выдумки, Н. К. Михайловскій писалъ: «Если бы вы, г. Достоевскій, ближе познакомились съ позоримымъ вами соціализмомъ, вы убѣдились бы, что онъ совпадаетъ съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, элементами народной русской правды». Въ отвѣтъ на упрекъ, что интеллигенція—чужая народу, Михайловскій смѣло поднималъ брошенную перчатку и заявлялъ, что чужда она народу лишь постольку, поскольку она еще принадлежитъ къ старому міру насилія и эксплуатаціи, въ которомъ родилась и воспиталась, поскольку она не успѣла проложить дорогу къ рабочимъ массамъ черезъ пропасть, вырытую вѣками. «Мы — я говорю «мы», потому что вмѣняю себѣ въ честь стоять въ рядахъ этихъ citoyen'овъ — мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Мы пришли къ мысли, что мы — должники народа, и ставимъ эту мысль во главу угла и нашей жизни, и нашей дѣятельности...» На взглядъ Достоевскаго выходило такъ, будто поразившіе общественное вниманіе «новые люди» суть какіе то самодуры-эгоисты, желавшіе навязать всей Россіи свою волю, свою гнилую фантазію. Михайловскій показывалъ, что на дѣлѣ имѣетъ мѣсто какъ разъ противоположное — истинные подвиги самоотреченія. «Вы смѣетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете-ли, что она значитъ? Для «обще-человѣка», для citoyen'a, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова, устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и пр. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этой свободой права должны

только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, — мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ»!

«И если бы вы знали, г. Достоевскій» — заканчиваетъ Н. К. свою статью — «какъ мучитъ иногда совѣсть бѣдныхъ citoyen'овъ, признающихъ свой долгъ, особенно *въ виду того, что кредиторъ и не сознаетъ себя кредиторомъ*... Если бы вы знали, какъ мучительно напрягается иной разъ ихъ мысль, *взвѣшивая способы погашенія долга!*»

Какъ сдѣлать, чтобы эксплуатируемый рабочій народъ созналъ себя кредиторомъ буржуазно-монархическаго общества? Какъ сдѣлать, чтобы онъ грозно потребовалъ обратно свое отъ этихъ должниковъ, нагло издѣвающихся надъ своимъ кредиторомъ? Какъ лучше всего могутъ «погасить свой долгъ» передъ рабочимъ людомъ тѣ, кто сознаютъ себя должниками? Таковы были «проклятые вопросы», вставшіе передъ молодымъ поколѣніемъ. И на эти вопросы должна была давать отвѣтъ литература, которую въ это самое время травили выжлятники самодержавія, которую безжалостно обрубали, втискивая въ прокустово ложе и превращая ее — говоря словами Некрасова — въ «бѣдную, въ крови, кнутомъ изсѣченную Музу»...

Да не легкая это была обязанность — быть идейнымъ центромъ, взявшимъ на себя задачу охраны въ легальной русской литературѣ интересовъ юной революціонной Россіи. Тѣмъ болѣе нелегкая, что просыпавшееся общественное сознаніе было еще такъ незрѣло, а всѣ безобразія самодержавно-дворянско-чиновничьей Руси, быстро сроднившейся въ процессѣ взаимоприспособленія съ буржуазной плутократіей, такъ били въ глаза, что всякая оппозиціонная идеологія, всякій, даже самый крошечный источникъ свѣта въ окружающемъ мракѣ могъ сойти за солнце. И культурническое толченіе воды въ ступѣ политически индифферентнаго, но благожелательнаго обывателя; и полувершковый либерализмъ помѣщика-земца, который самъ не зналъ, чего онъ хочетъ — «не то конституціи, не то севрюжины съ хрѣномъ»; и либерально-консервативныя шатанія еще не

осознавшей себя политически буржуазіи; и расхоже-либеральное фрондированіе безпочвенныхъ межеумковъ и литературныхъ флюгеровъ; и двусмысленные вздохи о «народной правдѣ» эпигоновъ вырождающагося славянофильства; и хамелеоновскія рѣчи переодѣтыхъ реакціонеровъ о «народной политикѣ»; и «самобытничество», впадающее въ реакціонный націонализмъ; и реакціонный націонализмъ, маскирующійся самобытничествомъ — всѣ эти теченія разставляли наивно-глупо или предательски-хитро свои сѣти для уловленія «малыхъ сихъ». Въ окружающей тьмѣ не только «сіяніе мѣднаго таза либерализма», но даже любая сальная свѣчка могла порой сходить за солнце разума и свободы...

Н. К. Михайловскій явился въ легальной литературѣ тѣмъ опытнымъ рулевымъ, который твердою рукою ведетъ утлую ладью нарождающагося соціально-политическаго самосознанія между подводныхъ скалъ, шхеръ и заливовъ, оканчивающихся непроходимыми тупиками, въ открытое море широкой и смѣлой соціальной борьбы... Онъ выдержалъ безчисленное количество битвъ съ врагами соціализма; онъ выдержалъ не мало битвъ и съ его близорукими друзьями, заблудившимися въ лабиринтѣ тогдашней соціально-политической дѣйствительности и увлекавшихъ за собою, сбивавшихъ съ истинной дороги другихъ...

То было время, когда съ одной стороны стояли чистые «пропагандисты»-лавристы, съ другой — «бунтари»-бакунисты. Одни бросались въ крайность почти культурническаго, методическаго умственнаго перевоспитанія въ соціалистическомъ смыслѣ народа; другіе перегибали палку въ противоположную сторону, отрицая всякую пропаганду, требуя лишь агитаціи, революціонныхъ «поступковъ», вовлеченія народа въ революціонное движеніе заразительной силой примѣра, т. е. спорадическихъ волненій, хотя бы на чисто экономической почвѣ. Не было выработано даже сознанія необходимости прочной, стройной *организаціи* революціонныхъ силъ. Не было широкаго синтеза различныхъ методовъ дѣятельности и борьбы. Работали разрозненно, анархически, партизански. Въ одной части революціонеровъ достигала своего апогея идеализація народа, и на революціонную интел-

лигенцію возлагалась исключительно обязанность «формулировать» то, что уже сознано самимъ народомъ; формулировать и бороться вмѣстѣ съ народомъ за его уже понятые имъ, ближайшіе, непосредственные интересы. Зарождалось стремленіе пассивно приспособляться къ данному уровню народнаго самосознанія, стушевывать тѣ пункты программы, которые въ это самосознаніе пока не укладывались, или укладывались лишь съ большимъ трудомъ. Словомъ, съ «народомъ» — т. е. прежде всего деревенскимъ народомъ — происходили въ революціонной мысли все тѣ же шатанія (чистый пропагандизмъ, агитація, экономизмъ, «хвостизмъ», отсутствіе организаціи, пренебреженіе политикой и т. д.) которыя впослѣдствіи она повторила вокругъ пролетаріата, въ періодъ марксизма — этого народничества наизнанку. Изъ этихъ шатаній, изъ этого броженія лишь медленно, лишь съ большимъ трудомъ вырабатывался широкій, разносторонній и цѣлостный революціонный синтезъ, воплотившійся вскорѣ — сначала въ «Землѣ и Волѣ», затѣмъ въ логически изъ нея развившейся «Народной Волѣ»...

И здѣсь заслуживаетъ глубокаго вниманія публицистическая дѣятельность Михайловскаго. Рѣзче, чѣмъ кто-нибудь, возсталъ онъ противъ рабскаго приспособленія къ «мнѣніямъ народа». Безпощаднѣе, чѣмъ кто-нибудь, онъ показывалъ, что исторически сложившіяся «мнѣнія народа» часто противорѣчатъ «интересамъ народа». Въ борьбѣ, раздѣлившей нашу литературу на два лагеря подъ знаменемъ двухъ этихъ формулъ, онъ ярко доказывалъ весь вредъ, всю нелѣпость идолопоклонства передъ народомъ; доказывалъ, что святы для насъ только его *интересы*, поскольку они являются «интересами труда» и ведутъ въ своемъ логическомъ развитіи къ борьбѣ за царство труда, т. е. соціализма. Это не означало, конечно, барски-пренебрежительнаго отношенія къ народу. Михайловскій говорилъ, что, поскольку жизнь массъ проникнута трудовымъ началомъ и его интересами, постольку мятущейся интеллигенціи, лишь съ трудомъ стряхивающей «прахъ стараго міра» со своихъ ногъ, есть къ чему прилѣпиться душой, есть на что опереться въ этой сермяжной массѣ, — но есть съ чѣмъ ей и бороться въ

міросозерцаніи и психологіи народа, есть что сообщить, дать ему... «И только изъ взаимодѣйствія *его* и *нашего*» — писалъ Н. К. — «и можетъ возникнуть вожделѣнный новый періодъ русской исторіи... О, еслибы я могъ утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть на счетъ того-же народа! О, если-бы и вы всѣ, читатели, пришли къ тому-же рѣшенію, особенно тѣ, у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоти... Какая бы это вышла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою! Нѣтъ равнаго ему въ исторіи...»

Если вопросъ о приспособленіи къ политическимъ воззрѣніямъ народа (въ крайнемъ, каррикатурномъ видѣ дошедшемъ въ единичной, впрочемъ, попыткѣ Стефановича дѣйствовать, не брезгуя приманкой царскаго имени) обсуждался въ легальной литературѣ въ превращенномъ видѣ — руководиться ли только «интересами» или и «мнѣніями» народа? то тяжба между началами «пропаганды» и «агитаціи» на ея эзоповскомъ языкѣ фигурировалъ въ видѣ спора о томъ, считать ли «умъ» или «чувство» главнымъ «факторомъ прогреса». И тутъ Михайловскій выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ воплотившагося позднѣе революціоннаго синтеза, съ негодованіемъ протестуя противъ этой «вредной и нелѣпой тяжбы» между «умомъ» и «чувствомъ». Такъ, напримѣръ, онъ въ одной изъ статей наглядно рисуетъ нормальное отношеніе между различными элементами дѣятельности въ программѣ освободительнаго движенія. Онъ беретъ въ примѣръ освободительную борьбу болгаръ противъ турокъ, отоговариваясь, однако, что «картина будетъ не вполнѣ соотвѣтствующей дѣйствительному положенію вещей въ Болгаріи; такъ, онъ предполагаетъ, что «болгаре» въ его примѣрѣ имѣютъ «огромный численный перевѣсъ надъ турецкими угнетателями», но что лишь «чувство независимости въ болгарахъ такъ слабо, что имъ и въ голову не приходитъ мысль о полной возможности сбросить турецкій гнетъ». Словомъ, онъ очень недвусмысленно даетъ понять, что рѣчь идетъ совсѣмъ не о «внѣшнихъ», а о нашихъ соб-

ственныхъ, домашнихъ, «внутреннихъ туркахъ», и что въ образѣ болгаръ угнетенные фигурируютъ исключительно по той-же самой причинѣ, по которой въ русской беллетристикѣ первый типъ активнаго борца, пришедшаго на смѣну «лишнимъ людямъ», облекся въ плоть болгарина Инсарова; или потому же, почему мелко-либеральную нашу прессу въ ту же эпоху заполнялъ «шопотъ, робкое дыханье» и вздохи о томъ, почему русскій царь «не даетъ намъ того, что онъ далъ болгарамъ», понимай — конституціоннаго государственнаго устройства...

Итакъ, на этомъ примѣрѣ Михайловскій разбиралъ выраженное въ легальной литературѣ мнѣніе народниковъ—бунтарей, что не пропаганда, а лишь заразительный примѣръ частныхъ возстаній создаетъ революціонную готовность въ народѣ—или, въ переводѣ на языкъ тогдашней легальной литературы „*не распространеніе идей* независимости, а только *поступки, внушаемые чувствомъ* независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство». Михайловскій безжалостно высмѣивалъ всю узость и упрощенность такой политической конструкціи. Онъ обращалъ вниманіе и на то, что горсть людей «можетъ сама совершить подобные *поступки*, и не добиться ничего, если въ массѣ (гипотетической «болгарской») націи... чувство независимости слабо»; что «*сама нація* должна совершать поступки»; что этого то и нужно добиваться распространеніемъ идей, разъясненіемъ болгарской (читай «русской» *Ю. Г.*) націи всего ужаса и позора ея положенія»; что такое распространеніе идей есть также «поступокъ», и угнетатели своими дѣйствіями прекрасно показываютъ, что хорошо понимаютъ это. Онъ указывалъ на другое громадное препятствіе для борьбы — на *неорганизованность* тѣхъ, кто долженъ бороться: они «не только непосредственно слабы чувствомъ независимости; они невѣжественны и потому естественно находятся подъ гнетомъ авторитета и съ покорностью судьбѣ несутъ свое ярмо; они *изолированы другъ отъ друга*, сидятъ каждый подъ смоковницей своей и не имѣютъ даже поползновенія сойтись съ сосѣдомъ, который тоже сидитъ подъ смоковницей. Для того, чтобы они *признали силу свою*, они

должны объединиться, а объединеніе можетъ быть совершено только *подборомъ единомышленниковъ*, т. е. опять таки распространеніемъ идей...»

Выступая, такимъ образомъ, противъ исключительнаго бунтарства и анархическаго отрицанія организаціи, Михайловскій былъ однако чуждъ и крайностей чистаго пропагандизма тѣхъ лавристовъ, по отношенію къ которымъ даже самъ ихъ учитель П. К. Лавровъ долженъ былъ впослѣдствіи заявить — подобно Марксу о своихъ ученикахъ —что онъ «не лавристъ»... Н. К. не только не отрицалъ значенія революціонныхъ «поступковъ», но еще подчеркивалъ и ревностно оправдывалъ съ моральной и политической точки зрѣнія нѣкоторые виды такихъ «поступковъ», значеніе которыхъ вскорѣ послужило яблокомъ раздора среди русскихъ соціалистовъ и раскололо «Землю и Волю» на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ».

Въ концѣ 1878 г. — въ этотъ рѣшительный моментъ исторіи нашего движенія, когда выстрѣлъ В. Засуличъ явился — быть можетъ, помимо сознанія ея самой — симптомомъ знаменательнаго поворота къ болѣе интенсивной борьбѣ — Михайловскій воспользовался, разумѣется, «отвлеченно-философской темой» (объ этическихъ воззрѣніяхъ Дюринга), чтобы высказать нѣсколько мыслей о нравственной допустимости и обязательности самихъ рѣзкихъ формъ «борьбы со зломъ». «Бываютъ историческіе моменты, когда даже благороднѣйшіе люди, вынужденные борьбой съ представителями жекакой то «смѣси человѣка со скотомъ», прибѣгаютъ къ жестокимъ средствамъ и должны вслѣдствіе этого въ извѣстной мѣрѣ нравственно деградироваться». Это надо прямо признать, ибо жизнь есть вещь суровая и часто жестокая, и въ ней нерѣдко приходится выбирать одно изъ двухъ золъ. Маниловскія представленія о томъ, будто въ жизни все «добро зѣло», нужно отбросить. «Подобныя ложныя представленія отнимаютъ энергію въ жизненной борьбѣ, которая неизбѣжна». «Разъ обида нанесена, разъ насиліе совершено, надо видѣть во врагѣ врага, причемъ оказываются дозволительными орудія хитрости и насилія». Человѣческая жизнь — всякая человѣческая жизнь — конечно, дорога, но когда

ея носитель превращается въ простое орудіе нашего угнетенія, въ «обезчеловѣченную машину» — то «съ ней слѣдуетъ поступать такъ же, какъ мы вообще поступаемъ съ наносящими намъ вредъ орудіями — мы ихъ уничтожаемъ или какъ нибудь убираемъ съ дороги». И если такая личность подвергается насилію — то «она только пожинаетъ плоды собственной несправедливости». «Зло существуетъ, и съ нимъ надо бороться — бороться иногда жестокими — *даже террористическими средствами...*»

Такова, въ самихъ общихъ чертахъ, была политическая позиція, занятая Н. К. Михайловскимъ, какъ знаменоносцемъ революціоннаго поколѣнія 70-хъ годовъ въ легальной литературѣ.

II

Въ 70-хъ годахъ мы видѣли Михайловскаго въ его публицистической дѣятельности занятымъ главнымъ образомъ тщательной разработкой идеи «интересовъ народа» въ смыслѣ совокупности трудящихся классовъ, и войной на два фронта — съ одной стороны, противъ теченій, подмѣнявшихъ интересы народа формулами національнаго богатства, самобытно-русскаго развитія, государственнаго величія и т. п.; съ другой стороны — противъ идолопоклонства передъ данными «мнѣніями народа», передъ даннымъ уровнемъ его сознанныхъ, непосредственно имъ прочувствованныхъ потребностей. Логическое развитіе въ этой идейной, а параллельно ей и въ жизненной борьбѣ, уже къ концу семидесятыхъ годовъ выдвинуло новыя задачи, попытки разрѣшенія которыхъ вписали въ лѣтописи начала слѣдующаго десятилѣтія рядъ трагическихъ, кровавыхъ страницъ. На очередь самою жизнью былъ выдвинутъ вопросъ о политической свободѣ, о непосредственной борьбѣ за нее и объ отношеніи этой борьбы къ основнымъ интересамъ трудовыхъ и эксплуатируемыхъ массъ.

Извѣстно, сколько застарѣлыхъ предубѣжденій было связано въ умахъ многихъ соціалистовъ - народниковъ съ этимъ жгучимъ вопросомъ. На Западѣ политическая свобода была

завоевана буржуазіей, и это завоеваніе знаменовало эпоху безраздѣльнаго господства буржуазіи. На баррикадахъ дрались рабочія массы, но онѣ вынесли къ власти на собственныхъ хребтахъ новыхъ господъ, новыхъ своихъ поработителей. Неужели русскіе соціалисты должны признать въ этомъ историческій фатумъ, неужели они должны идти и звать за собой массы, чтобы вытащить каштаны изъ огня для буржуазіи? На этотъ вопросъ не могло быть иного отвѣта, кромѣ отрицательнаго. А такъ какъ по аналогіи съ Западомъ было рѣшено, что политическая свобода можетъ пойти лишь на пользу буржуазіи, то отсюда и слѣдовалъ выводъ: нельзя на очередь ставить непосредственную борьбу противъ самодержавія; на очереди должна стоять революція рабочихъ массъ, въ одно и то же время въ одинаковой мѣрѣ направленная противъ всѣхъ дирижирующихъ классовъ.

Въ связи съ этимъ стоялъ другой вопросъ. Въ экономической жизни Россіи оказались задатки самобытнаго развитія, которыми соціалистическая мысль дорожила и не могла не дорожить. Въ крестьянскихъ массахъ народники замѣчали отсутствіе выработанныхъ традицій частной собственности, традицій, которыя вѣками прививались къ западноевропейскому крестьянству и такъ затруднили доступъ соціалистическимъ идеямъ въ европейскую деревню. Наше крестьянство практиковало, хотя и изуродованныя вмѣшательствомъ государства, формы уравнительнаго пользованія землей подъ верховнымъ контролемъ всего «міра»; оно, въ связи съ этимъ, готово было смотрѣть на землю, какъ на «ничью», какъ на общее достояніе трудящихся. И если во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ Россія оказывалась отставшей, обдѣленной судьбой, то какъ же было не прилѣпиться душой хоть къ этому благопріятному историческому наслѣдію? Какъ не стремиться къ тому, чтобы спасти и утилизировать въ интересахъ соціализма эти драгоцѣнныя черты общинной, трудовой народной правды? Но здѣсь то и возникалъ новый больной и тревожный вопросъ: если Россія пройдетъ черезъ буржуазно-конституціонный фазисъ развитія, не вырветъ ли онъ съ корнемъ этихъ здоровыхъ побѣговъ, не заглушитъ ли онъ ихъ бурьяномъ и чертополохомъ индивидуализма и собствен-

ническаго фанатизма? Не предпочтительнѣе ли, сравнительно съ этимъ буржуазно-конституціоннымъ фазисомъ, даже русскій деспотическій, надъ классами стоящій монархизмъ? Быть можетъ даже онъ благопріятнѣе «интересамъ народа»? Могъ же онъ провести, несмотря на оппозицію привиллегированныхъ классовъ, освобожденіе крестьянъ!

Анархическое отрицаніе парламентаризма и конституціонализма здѣсь оканчивалось «вѣроломной покатостью» въ сторону фактическаго примиренія съ абсолютизмомъ, какъ съ наименьшимъ зломъ для данной исторической эпохи. И мы знаемъ, что нѣкоторые декаденты народничества скатились по этой скользкой наклонной плоскости до цѣлаго ряда политическихъ двусмысленностей. Этимъ воспользовалась потомъ правительственная клика, эта шайка «людей съ мохнатыми сердцами», — и въ срединѣ 80-хъ гг. была провозглашена громогласно «эра народной политики». Ее безстыдно провозглашали — употребляя выраженія Михайловскаго — литературные «мѣдные лбы», а имъ, разинувъ ротъ, внимали обывательскія «вареныя души». Дѣло дошло даже до появленія своеобразныхъ «народниковъ-монархистовъ»...

Какова же была позиція, занятая въ этихъ вопросахъ «Отечественными Записками» и Н. К. Михайловскимъ, какъ руководителемъ ихъ политико-публицистическаго отдѣла?

Эта позиція для своего времени была чрезвычайно смѣлой, неожиданной и оригинальной. Съ необычайной силой Михайловскій выдвинулъ и неустанно доказывалъ такія положенія: ошибочно думать, будто русской буржуазіи теперь выгодна политическая свобода; ошибочно думать, будто абсолютизмъ мѣшаетъ буржуазіи и искорененію самобытныхъ задатковъ высшаго развитія въ русскомъ народѣ: напротивъ, подъ крылышкомъ абсолютизма теперь, по крайней мѣрѣ, успѣшнѣе всего идетъ буржуазная «обработка» Россіи; политическая же свобода дастъ, по крайней мѣрѣ, возможность революціонной интеллигенціи вести болѣе широкую и свободную борьбу противъ буржуазныхъ и вообще эксплуататорскихъ элементовъ, опираясь на широкія трудовыя массы...

«Буржуазія есть классъ людей, непосредственно не работающихъ, а имѣющихъ для того наемниковъ и владѣющихъ

орудіями производства» — говорилъ Н. К. «Это — коренная и всеобщая черта буржуазіи, ея суть. Но, затѣмъ, нравственные идеалы буржуазіи, ея политическія стремленія, нравы, вкусы могутъ быть весьма различны, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста. Буржуазія можетъ быть мужественна или труслива..., рваться къ свободѣ или прятаться подъ крылышко власти, *смотря по тѣмъ условіямъ, при которыхъ ей приходится исполнять свою миссію сосредоточенія въ немногихъ рукахъ капиталовъ* и орудій производства вообще». Когда то въ нѣкоторыхъ странахъ, дѣйствительно, «буржуазія была носительницей высокихъ идеаловъ свободы и энергической просвѣщенной дѣятельности, борцомъ за оскорбленное въ ея лицѣ человѣчество... Но эти высокія качества были, говоря философскимъ языкомъ, акциденціей, а не субстанціей, обстоятельствомъ времени и мѣста, а не самой сутью буржуазіи». Скоро это и обнаружилось: даже въ странахъ классическаго буржуазнаго либерализма начались метанья буржуазіи отъ непримиримой борьбы съ пережитками феодальнаго абсолютизма къ попыткамъ союза съ ними противъ новаго врага — рабочихъ массъ. И вотъ, «съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія завладѣла полемъ политики, Франція стала биться, какъ птица въ клѣткѣ, толкаясь то въ двери республики, то въ омутъ абсолютизма». Передъ рабочими массами, какъ и передъ лучшими интеллектуальными силами Европы, встала во весь ростъ обнаженная истина: оказалось, что борьба, которую они считали раньше борьбой за освобожденіе всего человѣчества, — «вся эта борьба идетъ, собственно, изъ-за того, кому принадлежитъ право ѣсть трюфели—разбогатѣвшимъ мѣщанамъ или родовитымъ дворянамъ»...

Что же приходится сказать про русскую буржуазію? Да то, что она «какъ и вообще нашъ капитализмъ — нуждается въ настоящую минуту не въ свободѣ, а напротивъ — въ привиллегіи, покровительствѣ, регламентаціи, правительственныхъ гарантіяхъ, субсидіяхъ. А не нуждаясь въ свободѣ вообще, она всего менѣе нуждается въ свободѣ мысли и слова... буржуазіи нашей совершенно не нужны ни эти прекрасныя вещи, ни сопредѣльныя съ ними». Въ то время,

какъ владычество буржуазіи въ Европѣ осложняется «болѣе или менѣе высокимъ уровнемъ образованія, исторически выработанными идеями политической свободы и гражданскаго равенства» — у насъ буржуазія свободна отъ этихъ «осложняющихъ условій»: «ни образованія, ни политическаго и нравственнаго развитія тутъ, разумѣется, днемъ съ огнемъ не сыщешь». Это умственное нищенство и политическое безплодіе русской буржуазіи облегчаютъ ея взаимоприспособленіе со старыми формами деспотизма и перелицованнаго на новый ладъ крѣпостничества. «Нашъ русскій буржуа, этотъ не вполнѣ еще сложившійся конгломератъ помѣщика, мечтающаго о воскрешеніи тихихъ и простыхъ прелестей крѣпостного быта, разжирѣвшаго лавочника, кабатчика и кулака — этотъ конгломератъ поистинѣ чудовищенъ. Его чураться и бояться простительно даже тѣмъ, кто преклоняется передъ исторической ролью европейскаго буржуа».

Какова же роль русскаго монархическаго строя? Михайловскій не безъ намѣренія излагаетъ теорію Лоренца фонъ Штейна, по которой монархическая власть можетъ быть гарантіей высшей соціальной справедливости, будучи независима отъ узкихъ классовыхъ интересовъ и витая надъ классами. И Михайловскій показываетъ, до какой степени «не трудно опровергнуть штейновскую теорію власти», доказавши, что эта «власть не можетъ быть такъ изолирована отъ вліянія имущихъ классовъ». Въ частности, что касается Россіи, то «юридически, формально», нашъ строй отличается отъ европейскаго, гдѣ «всѣмъ механизмомъ государственной жизни заправляютъ своекорыстные привиллегированные классы»; но иначе окажется дѣло, если, вмѣсто формальной стороны, мы посмотримъ на «реальныя отношенія силъ»... А это реальное соотношеніе силъ, при государственномъ строѣ Россіи, между желающей служить народу интеллигенціей и хищной буржуазіей, Михайловскій картинно уподобляетъ анекдоту объ одномъ уроженцѣ теплыхъ странъ, аттакованномъ на дальнемъ сѣверѣ стаей собакъ. Онъ хотѣлъ было схватить для защиты камень, но оказалось, что камень примерзъ къ землѣ. И путешественникъ въ ужасѣ воскли-

нулъ: «о, несчастная страна, гдѣ камни привязываютъ, а собакъ пускаютъ бѣгать!»

И вотъ почему всѣмъ тѣмъ политически-наивнымъ элементамъ, которые мечтаютъ о томъ, что самодержавіе или единоличная диктатура можетъ сыграть исторически-прогрессивную роль въ такой моментъ, когда всѣ соціальныя противорѣчія поставлены такъ рѣзко, Михайловскій говорилъ, что «Гарунъ-аль-Рашидъ былъ хорошій, и даже, можетъ быть, великій человѣкъ; но въ наше трудное время, съ усложненіемъ всѣхъ общественныхъ отношеній — Гарунъ-аль-Рашидъ сталъ невозможностью; поэтому требовать или надѣяться, что Бисмаркъ, Гамбетта или иной государственный дѣятель повторитъ трогательную исторію Гарунъ-аль-Рашида — безумно». И это предостереженіе было болѣе чѣмъ не лишнее, когда начиналась эра «диктатуры сердца», Лорисъ-Меликовской политики заигрыванія съ обществомъ. Михайловскій слишкомъ ясно видѣлъ, какъ подъ видомъ «сердечнаго попеченія» о странѣ маленькихъ Гарунъ-аль-Рашидовъ контрабанднымъ путемъ будетъ внесено раздѣленіе между широкими общественными слоями и революціоннымъ авангардомъ. И въ этомъ отношеніи политика Лорисъ-Меликова, возбудившая столько наивныхъ «безсмысленныхъ мечтаній», съ точки зрѣнія Михайловскаго, была лишь логическимъ дополненіемъ самодурнаго насильничества политики гр. Д. Толстого. Какъ говорилъ Н. К. въ одномъ изъ главъ своего «дневника читателя» — «волчья пасть, разъ она уже обезобразила ликъ человѣческій, пополняется лисьимъ хвостомъ, какъ своимъ логически необходимымъ спутникомъ»... И потому на смѣну «насильнику, которому наплевать на душу жертвы и который требуетъ только покорности и почитанія», насильнику, который «какъ есть въ сапогахъ, лѣзетъ въ душу жертвы, требуя любви ко всѣмъ, кто ей жизнь отравилъ» — идетъ постановка новой декораціи, при которой главный персонажъ долженъ «прогуливаться въ голубомъ мундирѣ подъ голубымъ небомъ, смотрѣть на божій міръ голубыми глазами и подносить согражданамъ букеты изъ голубыхъ незабудокъ», и когда

«слѣды крови сердца, пролитой волчьей пастью, заметаются лукаво виляющимъ лисьимъ хвостомъ»...

Вотъ что ставилъ Михайловскій на видъ тѣмъ страстнымъ народникамъ, которые ради интересовъ народа готовы были въ политическомъ смыслѣ довольствоваться «акридами и дикимъ медомъ», жертвуя собственными потребностями въ свободѣ слова, печати и т. д. Въ одной изъ статей своихъ онъ съ этой точки зрѣнія даетъ краткую «философію исторіи» развитія политической мысли русской интеллигенціи. Онъ указываетъ на то, что еще одинъ изъ петрашевцевъ поразилъ императора Николая, стараясь доказать ему, что правительство, и только правительство, можетъ заложить въ Россіи краеугольные камни хозяйственнаго благосостоянія трудящихся массъ. Итакъ — «благонамѣренные представители центральной власти и народъ, въ нашемъ предположеніи, должны были положить починъ новому, особливому историческому пути для Россіи. Вотъ почему «мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя». И это настроеніе «доходило до примѣровъ, даже мало вѣроятныхъ, о чемъ въ свое время скажетъ исторія. «Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же» — вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали: именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства...»

«Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо многочисленностью*) возьмутъ на себя починъ проложенія новаго пути». И Михайловскій говоритъ, что хотя возможность «проложенія

---

*) Такимъ образомъ, Н. К. охватываетъ въ общей формулѣ всѣ теченія прежней русской соціалистической мысли: выше онъ говорилъ о петрашевцѣ и о тѣхъ представителяхъ интеллигенціи, которые мечтали работать рука объ руку съ правительствомъ въ «эпоху великихъ реформъ», здѣсь онъ, повидимому, имѣетъ въ виду якобинцевъ «Набата» и бунтарей, считавшихъ возможнымъ проложить болѣе непосредственный путь къ соціализму — одни путемъ захвата власти, другіе путемъ всероссійскаго крестьянскаго возстанія.

новаго пути» остается «*теоретическою* возможностью» и до сихъ поръ, но нелѣпо закрывать глаза на то, что она «убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзаетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства». (1880 г.).

И Михайловскій предлагалъ «честно и трезво оглядѣться вокругъ себя» всѣмъ, кто мечтаетъ о томъ, чтобы его родину миновала чаша буржуазнаго развитія. Ибо «оскорбительно смѣшно представить себѣ русскаго человѣка, пьющаго изъ той же чаши, но съ комическою надменностью размахивающаго картоннымъ мечемъ и увѣряющаго, что онъ гарантированъ отъ европейскихъ язвъ. Осмотритесь, и вы увидите, что мы *еще* не имѣемъ лучшаго изъ того, что создано вѣковымъ трудомъ Европы, но *уже* имѣемъ слишкомъ многое изъ ея печальнаго и грязнаго наслѣдія. Индѣ въ зародышѣ, а индѣ даже въ преувеличенномъ размѣрѣ, подъ сѣнью нашего недостроеннаго зданія*), разростается многое европейское, *съ чѣмъ сама Европа, по крайней мѣрѣ, имѣетъ возможность бороться»*...

Появленіе въ концѣ 1880 г. изслѣдованій Николая—она дало Михайловскому новый случай подчеркнуть, что мы давно уже «отворили настежъ свои ворота банкирской и желѣзно-дорожной Европѣ. *Эта* Европа, вторгаясь къ намъ безъ всякаго съ нашей стороны протеста, быстро и цѣпко душитъ задатки нашего оригинальнаго... экономическаго развитія. Наше недостроенное зданіе не только не мѣшаетъ этому вторженію, *а, напротивъ, способствуетъ ему волею и неволею...* А мы тѣмъ временемъ... рекомендуемъ *ожиданіе, какъ принципъ, какъ политическую программу!* А! лѣтъ 15 тому назадъ это были бы, можетъ быть, разумныя рѣчи. Теперь онѣ запоздали. Апплодируя торжественному шествію банкирской и желѣзнодорожной Европы, смѣшно до... до чего хотите смѣшно *запирать двери передъ Европой политической* и научной!» (1880 г.).

*) Напомнимъ, что политическая свобода на языкѣ тогдашней легальной прессы обычно называлась «увѣнчаніемъ зданія» реформъ.

«Ожиданіе, какъ политическій принципъ и программу» рекомендовали не только тѣ самобытники - славянофилы, съ которыми здѣсь непосредственно полемизируетъ Михайловскій. «Подождать» съ непосредственной политической борьбой рекомендовали и тѣ народники, которые видѣли въ начатой Народной Волею борьбѣ за политическую свободу (открытіе дверей «Европѣ политической» тожъ) — измѣну принципамъ «чистаго» соціализма. Ихъ боязни «укрѣпленія буржуазіи» онъ противопоставлялъ указаніе, что отреченіе отъ борьбы за политическую свободу не имѣетъ никакого смысла, разъ современный порядокъ оказывается царствомъ «всемогущаго братскаго союза мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ». «Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно, — кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да, ему тепло, и въ этомъ корень вещей... Въ отношеніи аппетита, наглости, фактическаго могущества этотъ союзъ никакимъ европейскимъ буржуа не уступитъ...»

И такъ, вотъ почему Михайловскій одобрялъ тѣ «новыя средства», которыми осложнилась въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., въ эпоху выступленія Народной Воли, программа русской революціонной интеллигенціи. Это не означало, однако, никакого поворота въ его принципіальныхъ воззрѣніяхъ, не означало и переоцѣнки политической свободы, такъ таковой. Сильно и красиво выразилъ онъ эту мыслъ: свобода была для него «солнцемъ, но только солнцемъ, а это хоть и очень, безпредѣльно много въ экономіи земного шара, но вовсе ужъ не такъ много въ своеобразной экономіи человѣческихъ идеаловъ: es leuchtet die Sonne über bös' und gut'. Политическая свобода безсильна измѣнить взаимныя отношенія наличныхъ силъ въ средѣ самаго общества, она можетъ только обнаружить ихъ, вывести на всеобщее позорище, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, придать большую яркость, обострить эти отношенія».

Въ связи съ этимъ, политическія задачи отнюдь не отодвигали на задній планъ соціальныхъ задачъ революціи. Если и не предполагалось моментальнаго скачка черезъ всѣ

промежуточныя фазы прямо къ соціализму, то во всякомъ случаѣ оставалась возможность нѣкоторыхъ весьма серьезныхъ экономическихъ завоеваній въ пользу рабочаго народа, завоеваній, которыя, съ одной стороны, облегчали бы рабочему люду шансы дальнѣйшей борьбы, съ другой же укрѣпляли бы завоеванную свободу и отвращали возможность консервативной контръ-революціи. Михайловскій обращалъ вниманіе читателей «Отеч. Записокъ» на фактъ «періодически повторяющагося въ Европѣ и особенно въ быстро живущей Франціи страннаго круговращенія: политическая свобода, купленная иногда цѣною цѣлаго океана крови, падала отъ ничтожнаго толчка Бонапарта или другого охочаго до власти человѣка, чтобы потомъ вновь подниматься со страшными усиліями и вновь падать. Этотъ томительный круговоротъ объясняется тѣмъ, что ни разу еще политическая свобода, при своемъ зарожденіи, не осложнялась существенною помощью народу, который потому хладнокровно, а иногда даже сочувственно смотрѣлъ, какъ богиня свободы шаталась и падала съ своего пьедестала. Въ концѣ концовъ, только тотъ политическій порядокъ окажется непоколебимымъ, который не шарлатански, какъ это не разъ случалось въ Европѣ, а искренно и честно заинтересуетъ собой милліоны». Нужно ли прибавлять, что это требованіе связать политическія задачи революціи съ соціальными для того времени выражалось, прежде всего, въ старомъ лозунгѣ «Земля и Воля!», сохранившемъ свою силу и для народовольцевъ.... И Михайловскій неустанно твердилъ, настаивалъ, умолялъ русскую интеллигенцію руководиться этимъ вѣрнымъ маякомъ, не сбиваться по сторонамъ на разные фальшивые, блуждающіе огоньки, — и онъ высказывалъ твердую вѣру, что мы научимся, наконецъ, «выбирать предметы чествованія и вражды, различать фальшивыя и настоящія драгоцѣнности, а потомъ — vogue la galére!»

III

Условія русской жизни такъ сложились, что соціализмъ, который въ болѣе передовыхъ странахъ выработался въ

политическую систему, какъ результатъ классоваго рабочаго движенія, — у насъ втеченіи нѣсколькихъ десятилѣтій былъ знаменемъ, вокругъ котораго сплачивалась революціонная интеллигенція. Много усилій пришлось ей сдѣлать, много средствъ перепробовать, прежде чѣмъ къ этому знамени стали стекаться рабочія массы. До этого не разъ передъ ней вставала роковая необходимость — вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ свирѣпыми аттаками гораздо болѣе сильнаго врага. И много славныхъ страницъ вписано было кровью этой революціонной интеллигенціи въ скрижали русской исторіи...

На литературѣ нашей лежала обязанность — осмысливать это движеніе революціонной интеллигенціи, какъ между-классовой, идеологической силы, какъ того „умственнаго и моральнаго цвѣта націи" (выраженіе Либкнехта), который въ различное время и при различныхъ условіяхъ примыкаетъ то къ тому, то къ другому общественному классу — въ зависимости отъ того, на какомъ изъ этихъ классовъ въ данный историческій моментъ лежитъ болѣе яркая и идейно-привлекательная „положительная историческая миссія". Съ этой точки зрѣнія Михайловскаго особенно интересовали отношенія между русской буржуазіей и русской интеллигенціей. Онъ зналъ, конечно, что, вообще говоря, „интеллигенція и буржуазія могутъ идти рука объ руку, помогать другъ другу, даже совпадать; но это частный случай, а не общее правило". Для того, чтобы этотъ частный случай имѣлъ мѣсто, нужна наличность опредѣленныхъ условій. Во Франціи передъ великой революціей такія условія были. Буржуазія и въ соціальной, и въ политической, и въ умственной области играла огромную творческую роль, такъ что, естественно, „интеллигенція, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, была въ полномъ единеніи съ буржуазіей... интеллигенція совпадала съ буржуазіей и утопала въ ней". „Съ другой стороны, и буржуазія добивалась, прежде всего, всякой свободы мысли и слова, которая нужна интеллигенціи, какъ вода рыбѣ». Но теперь и въ Европѣ «дѣла стоятъ, разумѣется, иначе... Новый общественный слой, такъ называемое четвертое сословіе, выставило свою, новую интеллиген-

цію». У насъ, въ Россіи, дѣла обстоятъ своеобразнымъ образомъ. Съ одной стороны, «для нашей интеллигенціи невозможна та беззавѣтная искренность, съ которой европейская интеллигенція временъ расцвѣта либеральной доктрины ожидала водворенія чуть не рая на землѣ отъ проведенія въ жизнь буржуазныхъ началъ». Невозможна какъ потому, что у нея передъ глазами горькій урокъ Европы, такъ и потому, что въ Россіи менѣе, чѣмъ гдѣ либо, выступаетъ буржуазія творческой силой, и болѣе, чѣмъ гдѣ либо — разрушительной, хищнической, реакціонной...

Итакъ, въ Россіи историческія условія сдѣлали двѣ эти силы враждебными другъ другу. И мало того, что враждебными. Интеллигенція — та самая революціонная интеллигенція, которая у насъ цѣлыя десятилѣтія должна была выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ царствомъ гнета и эксплуатаціи — пріобрѣла значеніе такой силы, какой рѣдко являлась она въ другихъ странахъ. Развѣ только Италія представляетъ аналогическій случай. Русская революціонная интеллигенція была тѣмъ свѣтлымъ лучемъ въ темномъ царствѣ, который боролся съ ночнымъ мракомъ и предразсвѣтнымъ туманомъ, стремясь освѣтить, озарить народное сознаніе; и эта роковая борьба за сліяніе инціативнаго революціоннаго авангарда съ трудящимися массами была тѣмъ фокусомъ, въ которомъ соединялись всѣ нити исторіи. Исходъ этой борьбы являлся рѣшающимъ моментомъ. Съ трепетнымъ сердцемъ слѣдилъ Н. К. за всѣми перипетіями исторической драмы, которую онъ называлъ «тяжбою свободной мысли съ голубымъ мундиромъ», ибо — говорилъ онъ — «предоставьте русской интеллигенціи свободу мысли и слова, — и, можетъ быть, русская буржуазія не съѣстъ русскаго народа; наложите на уста интеллигенціи печать молчанія — и народъ будетъ навѣрное съѣденъ...»

Моментъ былъ тѣмъ болѣе драматиченъ, что отъ исхода столкновенія двухъ силъ зависѣли дальнѣйшія событія не только въ самой Россіи, но и далеко за предѣлами нашего отечества. Ибо — какъ указывалъ Н. К. — «мы издревле и посейчасъ беремъ на себя роль всесвѣтныхъ полицмей-

стеровъ или брандъ-майоровъ и водворяемъ „порядокъ", возстановляемъ потрясенныя основы и тушимъ пожары на всемъ пространствѣ отъ Испаніи до Болгаріи". А, между тѣмъ, онъ уже прозрѣвалъ зарю новаго пожара. „Я не вѣрю ни въ правомѣрность, ни въ прочность наличныхъ европейскихъ порядковъ" — писалъ онъ. „Въ Европѣ можетъ произойти въ близкомъ будущемъ огромный переворотъ... но какъ же не посмѣяться надъ увѣренностію, что погромъ этотъ разобьется о нашъ берегъ и обнаружитъ только особливость нашего національнаго организма. Совсѣмъ напротивъ, я думаю, онъ обнаружитъ, до какой степени нашъ національный организмъ сроднился уже, слился съ европейскимъ. Разныя тутъ могутъ выйти комбинаціи. Можетъ быть — чего Боже сохрани — мы, по старой памяти и по старымъ образцамъ примемся опять за „служеніе Европѣ" (въ роли брандъ-майоровъ), — *а можетъ быть и на какой нибудь другой манерѣ послужимъ...*" (1880).

Вспомнимъ, что говорилъ по этому же поводу 2-3 года спустя Фр. Энгельсъ: „Все зависитъ теперь отъ того, что будетъ сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ въ Петербургѣ, на который устремлены нынѣ глаза всѣхъ мыслящихъ, дальновидныхъ и проницательныхъ людей цѣлой Европы. Россія — это Франція нынѣшняго вѣка. Ей законно и правомѣрно принадлежитъ революціонная инициатива новаго соціальнаго переустройства. Гибель царизма, уничтоживъ послѣдній оплотъ монархизма въ Европѣ... вызоветъ во всѣхъ странахъ могучій толчекъ въ сторону внутренняго переустройства"... Это — та же мысль, то же упованіе... А Михайловскій вѣрилъ, что въ Европѣ крушеніе стараго порядка приближается съ каждымъ годомъ...

Еще въ началѣ 70-хъ гг. онъ указывалъ на прогрессирующее разложеніе, деградацію, идейное и моральное вырожденіе буржуазіи — симптомъ того, что она идетъ на встрѣчу своему паденію — совершенно такъ же, какъ подобное же вырожденіе, развращенность, растлѣніе феодальнаго дворянства въ эпоху передъ великой французской революціей было симптомомъ того, что въ дверь стучится новый порядокъ вещей. Нравственная гниль и развратъ, чудовищно

прогрессирующіе среди современныхъ имущихъ классовъ, были въ его глазахъ „наружною сыпью“, симптомомъ болѣзни, низводящей съ исторической арены классы, историческая миссія которыхъ кончается... „C'est la fatalité“. „Всегда и вездѣ въ обществѣ были элементы отживающіе и всегда они развратничали. Развратъ есть одинъ изъ молотовъ исторіи“. И если теперь онъ такъ „распространенъ въ цѣлыхъ слояхъ общества и единовременно во всѣхъ концахъ Европы, *то это потому, что ампутація предстоитъ большая...* Novum rerum mihi nascitum ordo“.

Дѣятели того времени вѣрили и надѣялись, что имъ предстоитъ принять участіе въ этомъ великомъ, міровомъ кризисѣ. Ихъ борьба ставилась для нихъ въ органическую связь съ борьбой труда противъ эксплуатаціи въ остальномъ цивилизованномъ мірѣ. И это окрыляло, поднимало и вдохновляло ихъ, это сообщало небывалый энтузіазмъ и энергію...

Бурное то было время... То было время, когда, по словамъ Н. К., „въ живой жизни происходили событія огромной важности, небывалыхъ размѣровъ и почти сказочнаго характера“. То было время, когда царь едва не превратился въ „Гатчинскаго узника — военноплѣннаго русской революціи“. Никогда такъ не свирѣпствовалъ бѣлый терроръ реакціи, никогда съ такимъ упорствомъ не отбивался красный терроръ революціи, временами переходившій даже въ наступленіе. Конечно, революціонеры руководились прежде всего политическимъ разсчетомъ, а не стихійнымъ чувствомъ, не простымъ желаніемъ мстить врагамъ, хотя, какъ говорилъ Михайловскій — „съ другой стороны, однако, отчего же и имъ когда нибудь не поболѣть за ту боль, которую они во кругъ себя распространяютъ, — не сами по себѣ разумѣется, а вкупѣ со стихійною силою вещей... Да, *боль за боль!*“ (1881 г.). Но это лишь побочный результатъ, а не основная цѣль борьбы. Въ лицѣ отдѣльныхъ представителей темнаго царства, царства самодурства, подлости и произвола, ведется борьба съ породившимъ ихъ и защищаемымъ ими строемъ. „Личныя раны съ теченіемъ времени затянутся... Острая боль отъ личнаго оскорбленія утонетъ въ хронической боли отъ „пороковъ вѣка“, въ борьбѣ съ которыми

страдальцы найдутъ единственно возможное для нихъ удовлетвореніе... И безъ того они не личною только жизнью живутъ и даже обладаютъ спеціальною склонностью вытягивать изъ своихъ личныхъ дѣлъ ихъ общественное значеніе. Пусть тѣ именно представители подлости, которые непосредственно исковеркали ихъ жизнь, останутся безнаказаны или только въ малой степени ощутятъ боль, но, въ качествѣ частной мелочи, они, вѣдь, развѣ только презрѣнія заслуживаютъ, холоднаго, подавляющаго". И борцы пойдутъ „со свѣточемъ правды въ рукахъ противъ общаго субстрата подлости и, яко таетъ воскъ отъ лица огня, подлость будетъ отступать все дальше, корчась отъ злобы и боли, будетъ ли то боль стыда или боль пораженія, боль сознанія необходимости уйти, спрятаться"...

Но увы! Не такъ правиленъ и прямолинеенъ въ исторіи этотъ процессъ вытѣсненія отжившаго прошлаго... Онъ прерывается періодами кратковременнаго, но тѣмъ болѣе злобнаго торжества реакціи, когда, на первый взглядъ, ей удается совершенно раздавить своихъ враговъ и на ихъ костяхъ отпраздновать кровавую тризну. Такая эпоха настала, такое торжество реакціи водворилось, особенно, года два-три спустя послѣ 1-го марта. Это было, по словамъ Н. К., „время ужаса и чуть не повальнаго одурѣнія; время невозможныхъ проектовъ перенесенія столицы въ Москву и обществъ вза-имнаго добровольнаго шпіонства; время разцвѣта того дикаго якобы патріотизма, который, какъ хорошая охотничья собака, обнюхиваетъ каждый кустъ, не пахнетъ ли жидомъ, полякомъ, вообще нерусскимъ, или „русскимъ измѣнникомъ". Это было время, наступленія котораго Н. К. такъ пророчески боялся, когда говорилъ, что, въ результатѣ всѣхъ этихъ разгромовъ и утратъ мы еще, пожалуй, „бросимся, очертя голову, въ омутъ искусственныхъ возбужденій, плюнемъ на все реальное и обоготворимъ все фантастическое, воспляшемъ вокругъ гробовъ, въ которые уложимъ живыхъ людей, и осыплемъ поцѣлуями — мертвецовъ..." И въ самомъ дѣлѣ, даже у такого стойкаго человчка, какъ самъ Н. К. Михайловскій, при видѣ этого зрѣлища торжества реакціи вырвался скорбный вопль души: „цѣль и смыслъ

жизни затерялись въ этомъ калейдоскопѣ разгромовъ. На что надѣяться? во что вѣрить? чего желать? къ чему стремиться? Все разбито, раздавлено... „О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?“

Но надолго поддаться такому настроенію Н. К. не могъ. И поле борьбы, усѣянное мертвыми костями, напоминавшее тотъ „вырубленный лѣсъ“, гдѣ раньше были „дубы до небесъ“, а остались лишь обгорѣлые пни, — навѣвало на него не безпросвѣтное отчаяніе, а, не смотря ни на что, твердую вѣру въ будущее. Онъ вспоминалъ и напоминалъ другимъ объ иномъ усѣянномъ мертвыми костями полѣ, которое явилось въ видѣніи пророку Іезекіилю. И тамъ напоминалъ онъ конецъ видѣнія: „Произошелъ шумъ и движеніе, и стали сближаться кости, кость съ костью своею. И видѣлъ я, и вотъ жилы были на нихъ, и плоть выросла, и кожа покрыла ихъ сверху... и вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили и стали на ноги свои“...

Эта вѣра въ то, что движеніе возродится, какъ фениксъ изъ пепла, помогла Михайловскому пережить мрачную эпоху реакціи, разброда, сумбура, помраченія общественнаго сознанія. Онъ стоялъ на „славномъ посту“, охраняя отъ всякихъ наскоковъ лучшія традиціи русскаго освободительнаго движенія, традиціи и принципы той эпохи, изъ которой, по его собственнымъ словамъ, онъ „запасся святыми воспоминаніями на всю остальную жизнь“. Прошелъ „вѣкъ богатырей“. Въ атмосферѣ упадка духа, разочарованія, пониженія общественной энергіи, вокругъ кишѣли „мошки и букашки“ декадентства, культурничества, вершковаго либерализма, воскресшаго мистицизма, метафизики и т. п. нездоровые продукты нездороваго времени. Тягостная картина! Съ одной стороны являются господа, которые „съ ученымъ видомъ знатоковъ“, проваливаясь въ собственное глубокомысліе, толкуютъ о необходимости „пантеистическаго примиренія съ дѣйствительностью“; съ другой стороны — люди, сѣтующіе, что передовая литература нарушаетъ ихъ душевное равновѣсіе, рисуя все въ мрачныхъ краскахъ; эти господа ищутъ, въ противовѣсъ ей, „свѣтлыхъ явленій“ въ окружающей дѣйствительности, и „froh sind, wenn sie Regen-

würmer finden“. Вотъ культурники, которые проповѣдуютъ теорію „малыхъ дѣлъ“, сѣтуютъ на людей, взваливающихъ на себя и другихъ „бремена неудобоносимыя“, и требуютъ, чтобы всѣ жили умѣренно и аккуратно, „по малу, по полсаженки низкомъ перелетаючи“. Вотъ наивные, политически неразвитые люди, которые думаютъ, что борются съ царящимъ зломъ, занимаясь жалкой стряпней какихъ то благонамѣренныхъ строго-легальныхъ попытокъ и „артельныхъ начинаній“ — дѣятельностью, которой Михайловскій далъ убійственное опредѣленіе: „avec l'ombre d'une brosse frotter l'ombre d'une carrosse“ (французская поговорка: „чистить тѣнью щетки тѣнь кареты“). Иные изъ этихъ культурниковъ могли душу вкладывать въ свою дѣятельность: но если ее и можно было назвать „борьбой“, то во всякомъ случаѣ „это не была борьба съ тѣмъ «краснымъ цвѣткомъ», который въ разсказѣ Гаршина впиталъ въ себя всю невинно-пролитую кровь, всѣ слезы и всю желчь человѣчества“. Съ другой стороны были самодовольные представители „безъидейной сытости“, низводившіе литературу и искусство до „хожденія вокругъ обнаженнаго торса, порою не прикрытаго даже единственнымъ фиговымъ листкомъ“. Одно время пронеслось цѣлое повѣтріе — старческая теорія „непротивленія злу насиліемъ“ пыталась отвлечь отъ революціи и дѣйствительно отвлекала многія лучшія сердца. И какъ безпощадно разилъ Н. К. Михайловскій всѣхъ этихъ «дѣтей безвременья!“ Стоитъ вспомнить хотя бы эту страстную отповѣдь Л. Толстому въ отвѣтъ на его рѣчи о самоусовершенствованіи и „непротивленіи“. „Какъ? Пусть ломятся къ вамъ въ домъ, пусть бьютъ отцовъ и дѣтей вашихъ — и горе вамъ, если вы сами пальцемъ коснетесь убійцъ! Какое возмутительное презрѣніе къ жизни, къ самымъ элементарнымъ и неизбѣжнымъ движеніямъ человѣческой души! Какое холодное резонерское отношеніе къ людскимъ чувствамъ и поступкамъ! И этому съ сочувствіемъ внимаютъ, говорятъ, молодые люди, у которыхъ, естественно, „кровь кипитъ“ и „силъ избытокъ“... Я не понимаю этого. Это какое то колоссальное недоразумѣніе, возможное только въ такія мрачныя, тусклыя времена, какія переживаемъ мы“.

Въ своихъ мечтаніяхъ Толстой забрелъ въ тупой переулокъ, узрѣвъ всеспасающее средство въ „индивидуальномъ само-усовершенствованіи“ и не замѣчая возмутительнаго нравственнаго аристократизма, насквозь проникающаго эту теорію, игнорирующую зависимость морали отъ формъ соціальной жизни и борьбы за измѣненіе этихъ формъ. „Онъ просто презираетъ жизнь со всѣми ея сложными формами. Онъ выстроилъ себѣ „келью подъ елью“, куда разрѣшается ходить всѣмъ на поклоненіе и откуда самъ онъ презрительно выглядываетъ на весь божій міръ: рабы и свободные, батраки и самостоятельные хозяева, — какіе все это пустяки! Все, — все равно, все трынъ-трава, лишь бы старца въ кельѣ подъ елью слушали, да злу не противились. Ужъ онъ, старецъ-то, лучше знаетъ, чѣмъ самъ рабъ или батракъ, чѣмъ сынъ убитой, братъ замученнаго. Куда-жъ имъ, въ самомъ дѣлѣ, знать? Они только въ батракахъ живутъ, у нихъ только мать убили, брата замучили, а онъ... онъ въ кельѣ подъ елью сидитъ!“

Не нужно забывать, что съ точки зрѣнія Михайловскаго у Льва Толстого приходится отличать „десницу“ отъ „шуйцы“. Поскольку Толстой выступаетъ обличителемъ существующаго зла во имя высшаго нравственнаго идеала взаимныхъ отношеній, — его проповѣдь „ударяетъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“; она создала все его міровое величіе, она придала образу Толстого необыкновенную нравственную красоту. Поскольку же Толстой ограничиваетъ область борьбы противъ гнетущаго зла однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ-„недѣланіемъ“; поскольку онъ выступаетъ противъ реальной общественной борьбы, противъ практически-революціонной дѣятельности — Н. К. Михайловскій считалъ своимъ долгомъ настолько же рѣзко и рѣшительно выступить противъ него, насколько рѣзко и рѣшительно выступалъ онъ за него въ другихъ отношеніяхъ.

Въ этомъ отношеніи къ „толстовству“ онъ отнесся такъ же, какъ ко всѣмъ другимъ теченіямъ, которыя съуживали размахъ революціонной борьбы, втискивая его въ то или иное доктринерское прокустово ложе, и своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ имѣя угашеніе революціоннаго духа.

IV

Послѣдній періодъ дѣятельности Н. К. Михайловскаго — 90-ые годы — былъ отмѣченъ расцвѣтомъ въ Россіи марксизма, и какъ теоретическаго міросозерцанія, и какъ практической программы, подъ знаменемъ которой начались попытки „строенія“ русской соціаль-демократіи. Развитіе въ Россіи крупной капиталистической индустріи, получившее сильный толчекъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ, стало создавать значительные кадры все болѣе дифференцировавшихся отъ деревни промышленныхъ наемныхъ рабочихъ. Довольно много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи развивающійся капитализмъ — еще больше пробудилъ онъ надеждъ на будущую свою работу въ смыслѣ созиданія, стягиванія въ центры, организаціи въ компактныя массы настоящаго промышленнаго пролетаріата, котораго прежде почти не знала Россія. Въ это время естественно было и зарожденіе направленія, которое было до такой степени увлечено творческой ролью капитала, что, оставаясь по своимъ идеаламъ соціалистическимъ, могло громко и радостно огласить Россію двусмысленнымъ девизомъ: „Признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму!“

Н. К. Михайловскому приходилось свести счеты съ этимъ направленіемъ, — тѣмъ болѣе, что само это направленіе торопилось свести счеты со всѣми предшествующими направленіями. Со всѣмъ пыломъ неофитовъ приверженцы новаго ученія объявили имъ войну, войну безпощадную, войну на жизнь и смерть. Каковы же были тѣ позиціи, на которыхъ застали Н. К. Михайловскаго вторженіе и натискъ новаго міросозерцанія, новой общественно-политической программы? И какъ защищалъ онъ эти позиціи?

Еще въ 1872 г., по поводу появленія на русскомъ языкѣ 1-го тома „Капитала“ К. Маркса, Михайловскій высказался въ томъ смыслѣ, что „порядокъ, такъ блистательно изслѣдованный Марксомъ“ ему кажется „картиною и нашего возможнаго будущаго при извѣстныхъ условіяхъ“ *). Воз-

*) См. «Литературныя воспоминанія и современная смута», т. I., стр. 340.

вращаясь къ этому вопросу въ 1875 г., Н. К. писалъ, что въ настоящее время Россія отъ большинства Западно-европейскихъ странъ отличается не только по степени, но и по самому характеру, самому *типу* своего общественнаго развитія. Но если этотъ типъ иной, то это не значитъ, что онъ инымъ и останется. „Когда то и въ Европѣ господствовалъ общинный элементъ, а въ будущемъ есть большая вѣроятность, что типы европейскаго и русскаго развитія съ теченіемъ времени сольются. Это можетъ произойти двумя путями. Или Европа круто повернетъ въ своемъ развитіи и осуществитъ у себя идею „единицы, олицетворяющей собою принципъ солидарности и нравственной связи", чѣмъ въ Европѣ многіе озабочены. Или мы побѣжимъ по торной европейской дорожкѣ, о чемъ у насъ также многіе хлопочутъ. Я думаю даже, что весь интересъ современной жизни для мыслящаго русскаго человѣка сосредоточивается на этихъ двухъ возможностяхъ". Вы видите, до какой степени ярко и полно совпаденіе взглядовъ на этотъ вопросъ у Михайловскаго 1875 г. и Маркса-Энгельса позднѣйшихъ годовъ. Достаточно вспомнить прежде всего заключительныя слова ихъ предисловія (пис. въ 1882 г.) къ русскому изданію „Коммунистическаго манифеста": „Если русская революція послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ дополнятъ одна другую, то современное руское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія"; ибо русская революція, какъ говорилъ еще позднѣе (въ 1894 г.) Энгельсъ, „дастъ новый толчекъ рабочему движенію Запада, дастъ ему лучшія условія борьбы и тѣмъ ускоритъ побѣду промышленнаго пролетаріата, безъ котораго современная Россія не можетъ прійти къ соціалистическому перевороту *ни черезъ общину, ни черезъ капитализмъ*". Если жъ дѣло сверженія самодержавія въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и международной рабочей революціи замедлится, исходъ можетъ получиться для Россіи гораздо менѣе благопріятный или даже совсѣмъ неблагопріятный: она, какъ говорилъ Марксъ въ „Письмѣ къ редактору „*Отечест. Записокъ*".—„упуститъ самый рѣдкій и удобный случай, который когда либо представлялся странѣ,

миновать фазисъ капиталистическаго развитія“ и тогда, „разъ приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть его неумолимыхъ законовъ...“

И такъ, въ свое время для Михайловскаго — какъ и для Маркса *) — существовали „двѣ возможности“, путемъ которыхъ можетъ слиться и направиться по одному руслу общественное развитіе Россіи и Запада: или „крутой поворотъ“, т. е. соціальная революція въ Европѣ, при чемъ русская община позволяетъ намъ въ извѣстныхъ предѣлахъ болѣе прямымъ и непосредственнымъ путемъ соціализировать собственность и трудъ; или же приближеніе типа нашего развитія къ европейскому, буржуазно-капиталистическому. И Н. К. Михайловскій съ всегда его отличавшимъ теоретическимъ безстрашіемъ — хотя и не *безстрастіемъ* — всматривался въ общій ходъ хозяйственнаго развитія Россіи, всегда предпочитая „тьмы низкихъ истинъ“ всякому „насъ возвышающему обману“ и тотчасъ влагая персты свои во всякія „язвы гвоздинныя“, которыми покрывала живое тѣло русскаго народа торжествующая, въ союзѣ съ самодержавіемъ, плутократія. Съ презрѣніемъ отзывался онъ при этомъ о всякомъ національномъ, самобытническомъ хвастовствѣ и о той „вѣрѣ въ какую то таинственную, непреодолимую силу основъ народнаго быта, вѣрѣ, которая надѣлала бы намъ много бѣдъ, если бы могла укрѣпиться“. (1876 г.). Менѣе всего склоненъ былъ Н. К. закрывать глаза на разложеніе этихъ „основъ народнаго быта“, когда оно дѣйствительно наблюдалось. И еще въ 1875 г. онъ говорилъ: „Оставляя даже въ сторонѣ прошедшее, мы видимъ, что чуть не съ каждымъ годомъ типъ народной жизни грозитъ измѣненіемъ и приближеніемъ къ европейскому типу. Цѣ-

---

*) Какъ мы уже видѣли, Макрсъ выражался на этотъ счетъ крайне осторожно и условно, напр.: «Если Россія стремится стать націей капиталистическою по образцу западно-европейскихъ націй — а въ теченіи послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда (марксисты наши, въ противоположность Марксу, сказали бы, конечно, не «вреда», а «пользы». *Ю. Г.*), она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ» и т. д.

лые вѣка пронеслись надъ нашимъ народомъ, почти не затронувъ его духовной жизни, но наше время — совсѣмъ не то, что тѣ вѣка замкнутости и черепашьяго хода. Однѣхъ желѣзныхъ дорогъ, обращающихъ почти въ ничто разстоянія между центрами и окраинами, достаточно, чтобы до очень высокой степени ускорить пульсъ народной жизни и заставить ее въ нѣсколько лѣтъ измѣниться сильнѣе, чѣмъ когда то въ нѣсколько вѣковъ...“

И вотъ почему въ свое время такой „народникъ-самобытникъ“, какъ Юзовъ, называлъ Михайловскаго „вреднѣйшимъ изъ марксистовъ“, такъ какъ, молъ, онъ „пытался убѣдить русскую интеллигенцію въ исторической необходимости капитализма въ Россіи“, а потому есть никто иной, какъ „одинъ изъ многочисленныхъ акушеровъ капитализма...“

И не смотря на это, представители марксизма при первомъ же своемъ выступленіи попытались смѣшать Михайловскаго въ одну кучу и съ г. Юзовымъ, и съ г. В. В. Поистинѣ, „и смѣхъ, и грѣхъ“. Цѣлая пропасть всегда отдѣляла Михайловскаго отъ Юзова. И даже В. В., который во всякомъ случаѣ, былъ не Юзову чета, представлялъ собою далеко не тождественное теченіе мысли съ тѣмъ, яркимъ выразителемъ котораго былъ Н. К Михайловскій. Послѣднему въ особенности былъ совершенно чуждъ тотъ узкій практицизмъ и та идеализація деревенскихъ „устоевъ“, которыми грѣшили многіе тогдашніе „народники“.

„Мы привыкли — писалъ Михайловскій — хвастать крестьянскимъ земельнымъ надѣломъ и крестьянской общиной, которые, дескать, прочно гарантируютъ намъ въ будущемъ безоблачное лазурное небо, тогда какъ Западная Европа будетъ все больше и больше изнывать подъ тяжестью своихъ неправильныхъ поземельныхъ отношеній... Правда, есть у насъ не мало людей, которые, хотя и ничего не видятъ дальше своего носа, но въ предѣлахъ этого кругозора отлично знаютъ, гдѣ зимуютъ раки; эти люди когда то яростно шипѣли противъ крестьянскаго землевладѣнія вообще и общиннаго въ особенности, но нынѣ начинаютъ приспособляться къ наличнымъ порядкамъ, извлекая и изъ нихъ не малыя выгоды... Однако, съ ихъ точки зрѣнія, было бы все

таки лучше, если бы мужикъ не на землѣ сидѣлъ, а въ воздухѣ висѣлъ, ожидая нанимателей. Эти, конечно, не хвастаются и не величаются передъ Западной Европой. Большинство же образованныхъ русскихъ людей, не теплое и не холодное, не особенно на рыбу похожее, но и мяса не напоминающее, чрезвычайно склонно болтать, въ минуты душевнаго размягченія, о предстоящей намъ тиши, глади и божьей благодати, благодаря нашимъ земельнымъ порядкамъ...“ Подобное же маниловское отношеніе находитъ Михайловскій и къ „артельнымъ начинаніямъ“. Разныя бываютъ артели, и артель, какъ форма соединенія нѣсколькихъ, хотя бы и мелкихъ „хозяйчиковъ“, артель вырождающаяся въ маленькую акціонерную компанійку, артель скрывающая замаскированное владычество пары кулаковъ надъ группой рабочихъ-кустарей, и даже вовсе не дающая ничего иного, кромѣ нѣсколькихъ лишнихъ пятаковъ нѣсколькимъ ремесленникамъ — была для Михайловскаго quantité négligeable. А потому и преклоненіе передъ ней наивныхъ народолюбцевъ съ одной стороны, и боязнь ея въ соединеніи съ репрессивными мѣрами властей — съ другой, представлялись ему плодами чистаго недоразумѣнія. „Артель не есть „жупелъ“ и, вообще, не такое слово, котораго надо бы ужасаться, но приходить отъ него въ трепетъ восторга тоже не особенно благоразумно...“ „Съ точки зрѣнія общихъ принциповъ *эта* артель такіе вздорные пустяки, насильственному прекращенію которыхъ можно сугубо изумляться, но цѣнить ихъ, какъ нѣчто серьезное, рѣшительно невозможно“ (1881 г.).

Года черезъ полтора-два онъ вновь возвращается къ этой темѣ, и, по поводу первыхъ изслѣдованій о „судьбахъ капитализма въ Россіи“ г. В. В., намѣчаетъ три главныхъ — возможныхъ или существующихъ — теченія въ этомъ вопросѣ. Одно изъ этихъ трехъ мнѣній — это то, что для насъ неизбѣженъ и желателенъ путь развитія капитализма, который и нуждается въ своихъ Іоаннахъ Предтечахъ, пріуготовляющихъ ему безпрепятственное шествіе и разрушающихъ всѣ препоны. Другое мнѣніе — это то, что „Европа намъ не указъ, ибо въ нѣкоторыхъ, изстари

сохранившихся у насъ учрежденіяхъ (община, артель), равно какъ и въ глубинѣ самобытнаго русскаго духа, имѣются прочныя гарантіи отъ язвъ европейскихъ экономическихъ порядковъ". Наконецъ, третье мнѣніе сводится къ тому, что рѣшеніе вопроса о томъ, пойдетъ ли Россія по пути капитализма, насколько пойдетъ, сможетъ ли и когда сможетъ свернуть съ этого пути на новый, болѣе широкій и вольный путь, — всецѣло зависитъ отъ того, когда удастся въ Россіи „пробнымъ камнемъ мѣропріятій, плановъ, словомъ, всей внутренней и внѣшней политики сдѣлать интересы непосредственныхъ производителей, представителей труда".

Первое изъ этихъ направленій пишетъ на своемъ знамени завѣты вульгарной буржуазной политической экономіи; но, нищее теоретически, оно опирается на „многіе политически сильные элементы, которые прямо или косвенно играютъ важную роль въ ходѣ нашихъ дѣлъ"; второе—ничтожно и теоретически, и практически; „пережевываньемъ его занимаются славянофильскіе и славянофильствующіе люди, оставаясь въ туманѣ ни къ чему не обязывающихъ общихъ мѣстъ" и часто провозя подъ ихъ прикрытіемъ самую подлинную буржуазную контрабанду, которой не замѣчаютъ иные наивные маниловы-народолюбцы. Наконецъ, третье теченіе, въ легальной печати представленое „Отечественными Записками", „осуждено пока играть роль гласа, вопіющаго въ пустынѣ", ибо разумѣется, современные „политически сильные элементы его не раздѣляютъ..."

Что касается г. В. В., то онъ съ самого начала не могъ вполнѣ примкнуть ни къ одному изъ этихъ теченій, какъ „беззаконная комета въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ". Открывъ, въ началѣ 80-хъ гг., свои страницы этому писателю, редакція „Отечественныхъ Записокъ" устами Михайловскаго оговаривалась, что „никогда не брала на себя отвѣтственности за всѣ мысли г. В. В. въ ихъ полномъ объемѣ" (1883 г.) Въ чемъ же было сходство и въ чемъ различіе? Съ направленіемъ „Отечественныхъ Записокъ" В. В. сходился въ конечной цѣли — „великой, одушевляющей перспективѣ" — „планомѣрной охраны того, что такъ непреоборимо могуче своей внутренней силой и такъ

жалко-безпомощно вслѣдствіе отсутствія организаціи — человѣческаго *труда*" (1881 г.) Но въ вопросѣ о путяхъ къ этому В. В. отличался отъ „Отеч. Зап." , и отличіе это опредѣлялось „его убѣжденіемъ въ *невозможности* для Россіи капиталистическаго строя на Европейскій манеръ". Напротивъ, Михайловскій и „Отеч. Зап." находили, что, — если только не восторжествуютъ во время въ Россіи такіе элементы „русской народной правды", которые, въ своемъ логическомъ развитіи, охватываютъ „весь трудящійся людъ всего міра", — и если не будутъ „убраны" со сцены „разныя заслоняющія этотъ предметъ вещи" — то „Россія подъ тѣмъ или инымъ соусомъ, либеральнымъ или самобытнымъ, *продѣлаетъ* на себѣ экономическую исторію Европы, причемъ другія, дѣйствительно благодѣтельныя стороны Европейской цивилизаціи останутся, можетъ быть, подъ спудомъ благодаря нѣкоторымъ особенностямъ нашего общественнаго строя". Мы теперь хорошо видимъ, кто былъ правъ въ этомъ спорѣ — Н. К. Михайловскій или В. В. Слова Михайловскаго оказались пророческими. Мы именно стали переживать исторію буржуазныхъ европейскихъ странъ, причемъ, — особенно благодаря свойствамъ нашего политическаго режима, благодаря взаимоприспособленію патріархальнаго абсолютизма и новѣйшей буржуазіи, — мы развивали у себя самое неблагопріятное соотношеніе между „положительными" и „отрицательными" сторонами капитализма...

Взглядъ г. В. В. былъ отмѣченъ нѣкоторыми чертами фаталистическаго оптимизма; Михайловскій указывалъ ему на то, что даже изъ его собственныхъ изслѣдованій вытекаютъ нѣкоторые гораздо болѣе пессимистическіе выводы, а именно: что вся хищническая, разрушительная работа капитализма въ Россіи возможна въ своемъ полномъ объемѣ; что у насъ „возможно въ обширныхъ размѣрахъ, и уже практикуется, во первыхъ — отлученіе производителей отъ силъ природы и орудій производства, каковое отлученіе есть неизбѣжный спутникъ и даже фундаментъ капиталистическаго строя", „возможно то, что казалось невозможнымъ — законченныя формы капитализма" въ цѣломъ рядѣ отдѣль-

ныхъ отраслей производства; а, стала быть, даже съ точки зрѣнія положеній, признаваемыхъ самимъ В. В.,,, невозможность“ развитія капитализма въ Россіи „далеко не абсолютная, и, можетъ быть, даже не совсѣмъ правильно называть ее невозможностью“. Ибо чего же, собственно говоря, „не можетъ“ русскій капитализмъ? Охватить и ,,обобществить“ все производство страны? Но гдѣ же, въ какихъ странахъ мы фактически находимъ такой идеальный, абсолютный капитализмъ? „Капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, какъ обыкновенно думаютъ, а у насъ не такъ ужъ отсутствуетъ, чтобы даже для отдаленнаго будущаго можно было противополагать наши экономическіе порядки европейскимъ.“

Въ дальнѣйшемъ, разногласія Н. К. Михайловскаго съ В. В. не только не смягчились, но обострились. Съузивъ свой кругозоръ, В. В. сталъ твердить, что въ области земледѣлія „еще до сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ, крупное батрачное или мелкое самостоятельное производство выгоднѣе для страны“. Михайловскій отвергалъ эту дилемму и, въ согласіи съ Николаемъ-ономъ, противополагалъ ей положеніе, что „обѣ эти формы должны уступить мѣсто третьей — крупному самостоятельному хозяйству“ (т. е. коллективному). В. В., подобно Юзову, усвоилъ себѣ какое то, характерное для этой разновидности народничества, пренебреженіе къ интеллигенціи и ея „учительской“ роли, а также къ политически-освободительнымъ ея стремленіямъ, какъ къ чему то „буржуазному“. На этой почвѣ произошелъ окончательный разрывъ и выступленіе Михайловскаго (въ 1893 г.) противъ этихъ „народниковъ“, которые, по его словамъ, не успѣвъ сколько нибудь свести концовъ съ концами въ своихъ взглядахъ, „между тѣмъ успѣли уже обнаружить противорѣчіе этихъ взглядовъ съ настоятельнѣйшимъ требованіемъ нашей жизни; требованіемъ столь настоятельнымъ, что безъ его удовлетворенія всѣ добрыя намѣренія самихъ народниковъ должны расплыться въ мірѣ прекрасныхъ словъ и мечтаній“. Кто не понималъ, что борьба за политическое освобожденіе Ролсіи отъ самодержавія должна быть поставлена на первую очередь, не можетъ быть от-

ложена ни на одинъ день — тотъ безповоротно отрѣзалъ себя отъ жизни.

V

Мы потому такъ долго остановились на этой сторонѣ воззрѣній Н. К. Михайловскаго, что она мало извѣстна значительной части русской революціонной молодежи, и совершенно неизвѣстна тѣмъ, кто знакомился съ эпохой революціоннаго народничества и народовольчества по трудамъ г. Плеханова и его подражателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, только выяснивъ себѣ эту сторону воззрѣній Н. К. Михайловскаго, можно понять, почему открытіе русскими марксистами Америки — развитія въ Россіи капитализма — не внушало Михайловскому особаго почтенія къ новѣйшимъ россійскимъ Колумбамъ, и почему ликованія этихъ послѣднихъ по случаю ихъ великаго открытія онъ раздѣлять не могъ. Въ то время, какъ марксистская литература была переполнена шумнымъ колокольнымъ перезвономъ, возвѣщавшимъ мощь капитализма и его „торжественное шествіе по языкамъ", Н. К. Михайловскій пытался вылить на ихъ головы ушатъ холодной воды. — Со всѣмъ пыломъ неофитовъ представители марксизма доказывали, что, вопреки всякимъ литературнымъ старовѣрамъ — „капиталъ идетъ!" Н. К. Михайловскій долженъ былъ попытаться — и дѣйствительно попытался — разъяснить, что вопросъ совсѣмъ не въ этомъ; что разногласія съ марксистами могутъ возникнуть и дѣйствительно возникаютъ совершенно въ иной плоскости.

„Капиталъ идетъ" — писалъ онъ въ 1897 г. — „это несомнѣнно, но *вопросъ въ томъ, какъ его встрѣтить*".

Одни отвѣчали на это: „пойдемъ на выучку къ капитализму". Эта формула, данная когда то П. Струве, теперь облеклась въ плоть и кровь въ видѣ аграрной программы „Искры", въ видѣ комментарія къ ней Ленина: „мы требуемъ введенія деревни въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу".

Такую встрѣчу шествующаго капитала Н. К. Михайловскій отвергалъ рѣшительно и безусловно. И онъ пред-

видѣлъ, что проэктъ такой встрѣчи въ лагерѣ русскихъ марксистовъ, или, лучше сказать, нео-марксистовъ возникнетъ неминуемо, какъ неизбѣжный результатъ приложенія нѣкоторыхъ догмъ марксизма къ особенностямъ условій жизни Россіи.

Процессъ хозяйственнаго развитія, когда онъ совершается въ буржуазно-капиталистическихъ формахъ, имѣетъ „двойственный, противурѣчивый характеръ". Онъ имѣетъ свою десницу и свой шуйцу, одновременно проявляя и творческое, и разлагающее вліяніе. То и другое совершается и въ объективной соціальной дѣйствительности, и въ ея оборотной сторонѣ — въ общественной психологіи. Въ новѣйшей исторіи Европы капитализмъ разрушалъ всевозможныя общественныя узы; „разложеніе происходило и въ самой жизни, фактически, и въ сферѣ критической мысли. Рядомъ съ этимъ шла и положительная творческая работа, создававшая или пытавшаяся создавать новыя формы общенія взамѣнъ разлагавшихся. Но она до сихъ поръ далеко отставала отъ работы отрицательной, какъ въ своей напряженности, такъ и въ значеніи и прочности своихъ результатовъ". (1894 г.). Догма же марксизма всегда грѣшила переоцѣнкой положительной, творческой стороны современнаго хозяйственнаго развитія и, наоборотъ, недооцѣнкой его отрицательныхъ, темныхъ сторонъ. Марксъ, выступая съ своей доктриной, былъ глубоко убѣжденъ, „что эпоха промышленнаго кулачнаго права уже близка къ своему концу, что страданія, ею вызванныя и созданныя, почти исчерпаны, а положительная ея сторона, обобществленіе труда, достаточно созрѣла". (1892 г.) На доктринѣ лежала, такимъ образомъ, печать „самоувѣреннаго оптимизма", что и неудивительно, ибо зародилась она „въ сороковыхъ годахъ, — въ эпоху разнообразныхъ радужныхъ мечтаній, когда такъ многимъ и съ такихъ различныхъ точекъ зрѣнія „на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе" казались дѣломъ завтрашняго дня". (1894 г).

Но прошли времена — суровая дѣйствительность показала, что капитализмъ далеко не влечется такъ стремительно и такъ предупредительно къ своему собственному историческо-

му самоубійству, какъ это раньше казалось многимъ сильнѣйшимъ умамъ соціалистическаго лагеря. Менѣе всего оказался онъ похожимъ на сказочнаго пеликана, разрывающаго собственную грудь, чтобы вскормить своего историческаго наслѣдника. Напротивъ, капитализмъ оказался чрезвычайно гибкимъ, упорнымъ въ борьбѣ за свое существованіе, способнымъ приспособляться къ новымъ условіямъ и приспособлять, подчинять себѣ новыя, создаваемыя имъ условія. Онъ ухитрился заразить, съ одной стороны, многіе элементы созданнаго имъ рабочаго класса своимъ буржуазнымъ духомъ, преобразовавъ ихъ въ своеобразную „рабочую аристократію". Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вспомнить умѣренный и аккуратный, мѣщански благоразумный трэдсъ-юніонизмъ въ Англіи, независимцевъ въ Россіи, „бѣлыя блузы" и „желтые синдикаты" во Франціи, клерикальные рабочіе союзы въ Германіи и другихъ странахъ, всевозможные виды соціалистическаго оппортунизма, тяготѣющаго къ мирному и дружелюбному „сотрудничеству" съ буржуазными элементами. Въ класическской странѣ компромиссовъ, Англіи, особенно часто черпаются разными Шульце-Геверницами факты, устанавливающіе теоретически „солидарность интересовъ капиталиста и рабочихъ", практически проявляющуюся въ образцахъ„ взаимныхъ уступокъ и соглашеній при посредствѣ разныхъ комитетовъ и третейскихъ судилищъ". И поскольку такія теченія находятъ откликъ въ рабочей средѣ, они свидѣтельствуютъ о буржуазномъ грѣхопаденіи нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса, ибо для Михайловскаго было несомнѣнно, что въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій мѣста и времени „интересы капиталиста и рабочихъ могутъ расходится больше или меньше, но никогда не сольются, или, что то же, сольются лишь тогда, когда сольются сами функціи капитала и труда" (1892 г.), т. е. при соціалистическомъ строѣ, когда они растворятся въ обществѣ съ безклассовой структурой.

Марксизмъ на первый планъ выдвигалъ то „обобществленіе труда", которое совершается подъ желѣзнымъ главенствомъ капитала. Нечего и говорить, что всякое развитіе коллективныхъ формъ труда, тѣсно связанное съ ростомъ

техники, должно оказывать сближающее, объединяющее вліяніе. Но нужно различать самый процессъ развитія производительности и коллективности труда отъ той буржуазно-капиталистической оболочки, въ которую онъ втиснутъ въ современномъ обществѣ. Эта оболочка и уродуетъ процессъ „обобществленія", дѣлаетъ его неполнымъ, одностороннимъ, часто вырывая изъ него „душу живу" и дѣлая „обобществленіе" изъ органическаго и живого — механическимъ и внѣшнимъ. Въ сущности, „общественная форма труда" при господствѣ капитализма сводится къ тому, что „нѣсколько сотъ или тысячъ рабочихъ точатъ, вертятъ, накладываютъ, подкладываютъ, тянутъ, бьютъ и совершаютъ еще множество другихъ операцій въ одномъ помѣщеніи. Общій же характеръ этого режима прекрасно выражается поговоркой: каждый за себя, а ужъ Богъ за всѣхъ" (1883 г.) Узкій профессіональный эгоизмъ тредсъ-юніоновъ до извѣстной степени самъ былъ проникнутъ этимъ лозунгомъ буржуазнаго міра.

Итакъ, то, что называется обычно „положительными сторонами капитализма" суть не положительныя стороны капитализма, такъ таковаго, а положитеьныя стороны тѣхъ колективныхъ формъ труда, которыя оказываютъ извѣстное вліяніе даже *несмотря* на искажающую ихъ буржуазно-капиталистическую оболочку. Самъ же капитализмъ „если и имѣетъ какую нибудь общественно-историческую задачу или миссію, такъ развѣ только отрицательную". (1883 г.) Онъ создаетъ протестъ противъ себя, онъ возбуждаетъ рабочихъ поднять знамя возстанія; „зло дѣлается источникомъ блага", говорятъ діалектики, забывая, что здѣсь капитализмъ въ томъ же самомъ смыслѣ „создаетъ" благо, въ какомъ лихорадка „создаетъ" хининъ, а чума — противочумную сыворотку. Пѣть за это двусмысленные гимны чумѣ и лихорадкѣ не приходится; брать на себя роль сотрудниковъ при „введеніи деревни въ условіи жизни, свойственныя буржуазному обществу" — точно также.

Не надо также забывать, что высокая степень солидарности и сознательности западно-европейскихъ рабочихъ если не вполнѣ, (какъ это, быть можетъ, иногда казалось

Михайловскому), то въ значительной мѣрѣ объяснялась „не непосредственно условіями труда въ фабричномъ котлѣ, а развитіемъ просвѣщенія и политической жизни", надъ которымъ не вездѣ и далеко не въ равной степени трудилась буржуазія, либерализмъ которой при извѣстныхъ условіяхъ легко „діалектически превращается" въ свою собственную противоположность.

Кромѣ того, нужно отмѣтить еще и слѣдующее обстоятельство. Капитализмъ, конечно, возбуждаетъ въ громадныхъ размѣрахъ протестъ противъ себя. Но какъ апологеты капитализма охотно приписываютъ капитализму, какъ таковому, всѣ положительныя стороны, свойственныя общественнымъ формамъ труда независимо и несмотря на капиталистическую форму — такъ и жертвы капитализма часто впадаютъ въ такую же ошибку, только дѣлаютъ ее въ обратную сторону. Все зло, всѣ бѣдствія, связанныя съ подневольной, капиталистической оболочкой обобществленія, они ставятъ въ счетъ самому обобществленію. Личность здѣсь безусловно противополагаетъ себя обществу, поднимаетъ бунтъ противъ него. „Усталая отъ неудачныхъ экспериментовъ, разочарованная и окончательно осиротѣлая и, въ сиротствѣ своемъ, ничѣмъ не дорожащая и нетерпѣливая мысль хочетъ, подобно Раскольникову, „взять просто-на просто *все* за хвостъ и къ чорту". Это порожденіе полнаго сиротства личности, полной ея общественной безпріютности и есть практическій, воинствующій анархизмъ" (1894 г.). Сюда же относятся всѣ тѣ утрированно-индивидуалистическія теоріи, которыя, какъ теорія Макса Штирнера и отчасти Ницше, „возстаютъ противъ всякаго общества во имя личности, во имя даже просто своего *я*", и являются философскимъ выраженіемъ „всего цивилизаціей непристроеннаго, оскорбленнаго, озлобленнаго, всѣхъ сиротъ и отбросовъ — чандала" (индійская низшая каста, соотвѣтствующая нашему люмпенпролетаріату). Сюда же нужно отнести и то „босячество", которое выступаетъ въ сочиненіяхъ Горькаго яркимъ и рѣзкимъ протестомъ противъ всего „пристроеннаго" и нашедшаго свою колею въ современной жизни. Вообще,многочисленны и разнообразны типы этихъ „сиротъ

людей, осужденныхъ разными обстоятельствами на нравственное одиночество и сопряженныя съ нимъ невзгоды, и дошедшихъ, благодаря этому, до полнаго отрицанія всякихъ формъ общежитія, реальныхъ и идеальныхъ, и всякихъ нравственныхъ обязательствъ". Эта среда есть среда „необобществленныхъ и озлобленныхъ", въ рядахъ которыхъ въ изобиліи всегда найдутся „люди, доведенные капиталистическимъ строемъ до одичанія, до полнаго презрѣнія къ своей и чужой жизни и нерасположенные, подобно германской соціальдемократіи, степенно подготовлять послѣднюю ступень гегелевской трихотоміи". И, наконецъ, въ самомъ низу, „на днѣ" этой среды мы найдемъ тѣ очаги нищеты и преступленій, которые кишатъ „живыми трупами съ остервенѣлыми лицами", которые не особенно-то „подготовлены" капиталистическимъ чистилищемъ къ соціалистическому элизіуму...

Да, радужный оптимизмъ Маркса эпохи „Комунистическаго манифеста", основанный на вѣрѣ въ творческую мощь капитализма, не достаточно принималъ въ разсчетъ оборотную сторону медали. А чѣмъ дальше, тѣмъ больше давала себя чувствовать эта оборотная сторона. И уже въ первомъ томѣ своего великаго изслѣдованія, констатируя, что у капитала „изо всѣхъ поръ сочится кровь и грязь", Марксъ говорилъ, что капиталъ „успѣлъ уже съ страшною быстротою глубоко подкопаться подъ народную силу и схватить ее за самый ея жизненный корень", не останавливаясь никакими „соображеніями о грядущемъ вырожденіи человѣчества". И останавливаясь на этихъ соображеніяхъ Маркса, Михайловскій спрашивалъ, — вездѣ ли и всегда ли творческая роль капитала, какъ таковаго, въ его чисто стихійномъ развитіи, перевѣшиваетъ его разрушающую роль? Говорятъ, что капиталъ, и только капиталъ, подготовляетъ людой къ „воспріятію будущаго блаженства" въ соціалистическовъ строѣ; но, перегибая палку въ противоположную сторону, можно спросить: „куда же дѣнется наслѣдственно испорченная кровь негодяевъ газетчиковъ и финансовыхъ тузовъ, эксплуатирующихъ великія бѣдствія ради наживы?" Какой плодъ дадутъ „тѣ, выросшіе на почвѣ капитализма кроваво-красные

и ядовитые цвѣты звѣрства и грабежа, которые такъ пышно цвѣтутъ въ настоящую минуту въ Китаѣ и южной Африкѣ и которые не компенсируются, конечно... безсильными словесными протестами противъ этой озвѣрѣлости“? „И къ новой ли, высшей расѣ, блистающей красотой, умомъ, силой, здоровьемъ идемъ мы, видя вокругъ себя все больше преждевременно старѣющихся, плѣшивѣющихъ, беззубыхъ, близорукихъ, нейрастениковъ, алкоголиковъ и еще всякаго рода „вырождающихся“?

Значитъ ли все это, что отъ оптимизма намъ надо перейти къ пессимизму? Нисколько не значитъ. Живая человѣческая индивидуальность, накопившая въ теченіи вѣковъ массу потенціальной психической энергіи, развиваетъ большую силу сопротивленія „подкапывающимся подъ человѣческую расу“ вліяніямъ. Пусть данный общественный укладъ, въ процессѣ своего чисто стихійнаго, генетическаго развитія, иногда развиваетъ разрушающія силы сильнѣе созидающихъ. Этотъ дефицитъ можетъ быть пополненъ (а тѣмъ паче избытокъ положительныхъ силъ можетъ быть приращенъ) дѣйствіемъ такихъ теченій въ сторону соціальной солидарности, которыя существуютъ помимо капитализма или возникли до него. Самъ Марксъ указывалъ, между прочимъ, на то, что часто „вырожденіе промышленнаго населенія замедляется только постояннымъ притокомъ въ его среду и постояннымъ поглощеніемъ, такъ сказать, дико растущихъ жизненныхъ элементовъ селъ и деревень“. Но не только въ физіологическомъ, а и въ соціальномъ смыслѣ мы находимъ въ „селахъ и деревняхъ“ такіе „дико растущіе жизненные элементы“. Ихъ охрана, ихъ защита, ихъ развитіе не есть „роковая ошибка и безполезное безуміе“ — совершенно напротивъ. Крестьянинъ, говорящій своей сивкѣ, запряженной въ соху, „я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ“ также, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ представлять опору для борьбы съ общественнымъ укладомъ, „изо всѣхъ поръ котораго сочится кровь и грязь“. Всѣ теченія въ направленіи къ общественной солидарности — трудовое начало въ правовыхъ воззрѣніяхъ крестьянства, общинные и артельные навыки, взглядъ на землю, какъ на общее до-

стояніе трудящихся — должны быть использованы, логически развиты и продолжены дальше. Поскольку капиталъ вторгается въ села и деревни, онъ вмѣстѣ съ государствомъ легко превращаетъ трудовое крестьянство въ своего данника, даже не превращая его въ капиталистически обобществленный пролетаріатъ. Формально оставаясь „слугой и хозяиномъ“ вмѣстѣ, фактически крестьянинъ является подневольнымъ слугой и буржуазіи, и государства. Поэтому онъ и пролетарій — естественные союзники и одинаково имѣютъ право на охрану ихъ общихъ трудовыхъ интересовъ соціалистической партіей. Этого равенства и не признавалъ марксизмъ. Видѣть, любить, защищать въ крестьянинѣ марксизмъ соглашался не „ближняго своего“, а „дальняго“, т. е. будущаго пролетарія. Крестьянинъ же, какъ таковой, былъ въ глазахъ марксизма отживающей реакціонной силой. То положительное отношеніе къ русской крестьянской общинѣ, которое неоднократно высказывалъ Марксъ, русскимъ марксистамъ было всегда чуждо, и этотъ пунктъ въ міросозерцаніи учителя они всегда должны были какъ-нибудь обходить — съ великими трудностями и діалектическими ухищреніями. Михайловскій увѣщевалъ ихъ стать на другую точку зрѣнія, понять, что не только есть и свѣта, что въ окошкѣ, не только есть и живыхъ соціальныхъ силъ, что было угодно создать г. Капиталу. Отсюда слѣдовалъ и первостепенной важности практическій выводъ: не выставлять трудового крестьянина и пролетарія естественными антагонистами, „не сшибать лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разномъ родѣ, но одинаково темна и скудна“, ибо оба эти разряда суть, по существу дѣла, лишь разновидности одного и того же типа, „подлиннаго рабочаго человѣка, — гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли“, и въ какихъ бы по внѣшности различныхъ формахъ ни доставлялъ онъ царству привиллегированныхъ и имущихъ свой кровавый, неоплаченный трудъ.

Мы уже видѣли, какъ рѣшительно противился всегда Михайловскій идеализаціи мужика, общины, артели и т. п. Онъ самъ работалъ надъ разрушеніемъ всякихъ иллюзій въ этомъ направленіи, ибо онъ былъ глубоко убѣжденъ, что за каж-

дую такую иллюзію приходится расплачиваться напраснымъ разочарованіемъ. Но въ основѣ воззрѣній революціоннаго поколѣнія 70-хъ гг. на мужика онъ видѣлъ вѣрное зерно. „И если поколѣніе“ — говорилъ онъ — „...мучившееся надъ сложными вопросами деревенской жизни, приняло много напраснаго горя, то горе — хотя и иное — и тому поколѣнію, которое воспитается на презрительномъ отношеніи къ „идіотизму деревенской жизни“. (1897 г.).

Не цѣликомъ все прошлое движеніе хотѣлъ онъ реабилитировать. Вѣдь это движеніе само не было единымъ, само распадалось на далеко не однородныя развѣтвленія. „Кто видѣлъ въ мужикѣ великую историческую силу активную, грозную, буйную, мало обращая вниманія на нравственныя начала, добродѣтели; кто, напротивъ, цѣнилъ именно „добродѣтели“, выкованныя извѣстными общественными формами трудовой жизни; кто видѣлъ, что великія силы лежатъ въ народѣ въ зародышѣ, подавленномъ вѣковыми неблагопріятными условіями; а кто утверждалъ, что онъ — великая и благая сила сейчасъ, какъ онъ есть; кто разумѣлъ подъ народомъ исключительно „мужика“, а кто — всю совокупность людей труда“. (1899 г.). Онъ вспоминаетъ и „преувеличенныя надежды на народную воспріимчивость — и разочарованія, которыя затѣмъ послѣдовали“. Все это было. „Немудрено, что на первыхъ порахъ люди впадали въ частыя ошибки, предавались неосновательнымъ надеждамъ и т. п.... Все это были частности... Зерно же тогдашнихъ идей жизнеспособно и доселѣ, и будетъ жизнеспособно еще многіе и многіе годы“. (1897 г.). И вотъ почему онъ противился призыву многихъ марксистовъ „отказаться отъ наслѣдства“ 70-хъ гг., хотя онъ былъ далекъ и отъ призыва къ идолопоклонству передъ нимъ. „Я отнюдь не считаю наслѣдіе это неприкосновеннымъ, напротивъ, оно подлежитъ приращенію, обогащенію, какъ данными научнаго движенія, такъ и данными житейскаго опыта, для чего оно обладаетъ достаточной широтой и гибкостью“ (1897 г).

Поколѣніе, на первыхъ порахъ воспринявшее марксизмъ, было поколѣніе усталое. Страшнымъ гнетомъ давило его разочарованіе въ мужикѣ и разочарованіе въ окончившемся

пораженіемъ смѣломъ поединкѣ Народной Воли съ правительствомъ. Размахъ революціонной борьбы долженъ былъ съузиться. Періодъ марксистской „кружковщины", періодъ „агитаціи" и „экономизма", умѣреннаго и аккуратнаго — вотъ что пришло „на смѣну" старому революціонному поколѣнію. „За приливомъ энергіи въ 60-хъ и 70-хъ гг. наступилъ вполнѣ объясняемый обстоятельствами отливъ ея, и понадобился „отказъ отъ наслѣдства" и какой нибудь успокаивающій, примиряющій съ дѣйствительностью лозунгъ. Не одинъ такой лозунгъ и былъ предложенъ, но окончательно укрѣпился лозунгъ марксизма". Для этого онъ оказался особенно приспособленнымъ. Въ эпоху разочарованій и пониженія уровня общественной энергіи, онъ пришелъ на незанятое, опустѣлое отъ жизни мѣсто: старое революціонное поколѣніе было изъято изъ жизни... Опустѣлыя позиціи были заняты пришельцами, явившимися, не какъ соратники, подымающіе вновь только что выбитое изъ рукъ погибшихъ товарищей знамя, — а какъ противники, водружающіе новое знамя и сдающіе въ архивъ старое. Въ образовавшуюся пустоту вторгается новое теоретическое теченіе: „ясно, прочно, логично, въ четверть часа можно цѣлую философію исторіи усвоить съ гарантированной научностью. Притомъ для всѣхъ удобно: кто не хочетъ думать, для того уже все удумано, все разжевано и все въ ротъ положено, остается только проглотить; кто не хочетъ ничего дѣлать, по какой бы то ни было причинѣ, за того историческая необходимость все сдѣлаетъ; кто хочетъ вполнѣ безошибочнаго, не допускающаго разочарованій дѣла — того удостовѣряютъ, что теперь всякимъ утопіямъ конецъ пришелъ; кого смущаютъ „бѣдность и несовершенство жизни", тотъ узнаетъ, что все это на пользу человѣчества и даже именно народа, того самаго, который нищенствуетъ и голодаетъ; кому нужно непремѣнно новое слово — вотъ оно, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сказано"... (1894 г.).

Да, все это было естественно, — конечно, какъ явленіе временное, преходящее. Должны были воскреснуть и болѣе активныя формы борьбы, и стремленіе опереться на мужика. Въ спорѣ противъ гг. Струве и Бердяева, Михайловскій и

предсказалъ это. „Г. Бердяевъ вспоминаетъ, что я еще въ 1878 г. предсказалъ появленіе „учениковъ“, которыхъ тогда еще и въ поминѣ не было. Поощряемый этой удачей, беру на себя сдѣлать и другое предсказаніе: въ непродолжительномъ времени (и, надѣюсь, до моей настоящей смерти) идеи 70-хъ годовъ вновь объединятъ значительную, и, конечно, не худшую часть русскаго общества, — разумѣется, не въ буквальномъ своемъ повтореніи, а со всѣми тѣми поправками, которыхъ требуетъ пережитый съ тѣхъ поръ опытъ“ (январь 1901 г.).

Сбылось и это предсказаніе Н. К. Михайловскаго. Несмотря на неожиданную, скоропостижную кончину, онъ дожилъ до того времени, когда одновременно возродились два элемента прежняго движенія. Крестьянское движеніе и соціально-революціонная пропаганда въ деревнѣ — съ одной стороны, первые, еще разрозненные случаи перехода къ боевой, наступательной тактикѣ, къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ — съ другой, — положили основаніе движенію, воспринявшему лучшія революціонныя традиціи нашего славнаго историческаго прошлаго, „со всѣми тѣми поправками, которыхъ требуетъ пережитый съ тѣхъ поръ опытъ“. И тѣ, кого считали „послѣдними могиканами“ старой эпохи, почувствовали, что у нихъ есть мѣсто въ жизни. Старое боевое поколѣніе и молодое, выросшее въ атмосферѣ бурнаго разлива массового движенія — подали другъ другу руки черезъ голову средняго поколѣнія, возросшаго въ эпоху безвременья и частью поддавшагося ея подавляющему и разслабляющему вліянію...

Идейные представители этого „средняго“ поколѣнія давно уже заживо похоронили и „послѣднихъ могиканъ“, и выражаемое ими направленіе. Но отъ лица ихъ Н. К. Михайловскій отвѣчалъ страстной лирической отповѣдью, которою, пожалуй, и будетъ умѣстно заключить настоящій, и безъ того не въ мѣру растянувшійся очеркъ:

„Изо всѣхъ видовъ смерти самымъ ужаснымъ всегда казалось мнѣ быть заживо погребеннымъ, умереть уже въ гробу, заколоченномъ гвоздями гробу, подъ толстымъ слоемъ земли, и я часто просилъ своихъ друзей какимъ нибудь,

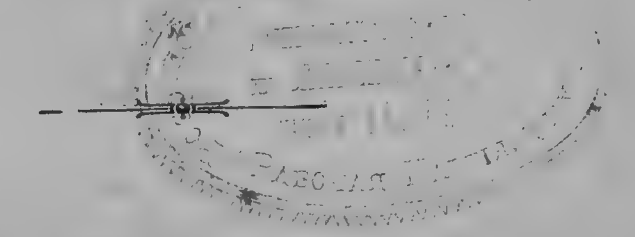
хотя бы самимъ жестокимъ способомъ убѣдиться, что я дѣйствительно умеръ. А! всѣ мы тамъ будемъ, въ заколоченномъ гвоздями гробу, подъ толстымъ слоемъ земли, но почувствовать себя заживо погребеннымъ и хотя бы самое короткое время тщетно биться и задыхаться, и ни для кого не слышно кричать, и съ отчаяніемъ и злобой кусать себѣ руки и рвать ногтями лице — какой ужасъ!"

Такъ и современный марксизмъ хоронитъ „меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то направленіе, которому я „служилъ" (въ прошедшемъ времени!), и ему уже видится, какъ „новая мысль строитъ на его развалинахъ свой храмъ"; онъ „заживо заколачиваетъ меня въ гробъ, покрытый позолотой и блестящимъ покрываломъ „историческаго значенія". Хороша эта позолота, роскошенъ этотъ покровъ, завидна вся эта помпа историческаго значенія, гарантирующая человѣку „вѣчную память"... когда человѣкъ дѣйствительно умеръ; но я согласенъ и на гораздо болѣе бѣдныя похороны... когда дѣйствительно умру..."

Но о томъ, что смерть уже сдѣлала свое дѣло, говорится „съ такой силой убѣжденія, что я начинаю осматривать и ощупывать себя... и, къ величайшему своему удовольствію, прихожу къ заключенію, что я еще живъ, и живъ Богъ мой, жива душа моя; а, ища глазами храма, „воздвигнутаго новой мыслью", замѣчаю именно развалины, — развалины нѣкотораго подобія Вавилонской башни, гордые строители которой разбѣгаются въ разныя стороны, потому что Господь Богъ смѣшалъ ихъ языки, такъ что они даже друга не понимаютъ..."

Наша задача кончена. Въ этомъ очеркѣ намъ хотѣлось только возсоздать передъ глазами нашихъ читателей образъ Н. К. Михайловскаго, какъ политическаго мыслителя-борца. Въ писаніяхъ его, особенно писаніяхъ прошлыхъ лѣтъ, облеченныхъ въ „прикровенный" эзоповскій языкъ легальной литературы, современному читателю, мало знакомому съ прошлымъ, многое можетъ показаться какими то шифрован-

ными записями, ключъ къ которымъ утерянъ, іероглифами, смыслъ которыхъ теменъ. Правда, г. фонъ-Плеве былъ не совсѣмъ не правъ, когда, призвавши къ себѣ Михайловскаго для какихъ то начальственныхъ назиданій, сказалъ: „зачѣмъ вамъ свобода печати, когда вы и безъ того такой великій мастеръ сказать между строкъ все то, что только захотите?“ Но для этого чтенія между строкъ требовалась, во всякомъ случаѣ, чуткость „читателя-друга“ изъ современниковъ. Что же касается „читателя-недруга“ и, особенно, писателя-недруга, то проклятая необходимость, заставлявшая Н. К. Михайловскаго прибѣгать къ іероглифамъ, не разъ создавала почву для всевозможныхъ перетолкованій и кривотолкованій отдѣльныхъ мѣстъ, выхватываемыхъ изъ общей совокупности его писаній. Не разъ при этомъ Михайловскаго пытались даже выставить тѣмъ, противъ чего онъ всегда боролся: какимъ то не то крохоборомъ - культурникомъ, не то мелкимъ буржуазнымъ реформистомъ, не то закоснѣлымъ самобытникомъ; не разъ, какъ говорилъ Михайловскій, при этомъ его „самыя, казалось бы, ясныя рѣчи понимались совсѣмъ наоборотъ“. И находились, порой даже въ изобиліи, люди, которые вѣрили дѣлавшимъ это диллетантамъ или спеціалистамъ по перекрашиванію бѣлаго въ черное. И вотъ почему мы должны были попробовать если не „расшифровать“ легальныя писанія Н. К. Михайловскаго (что потребовало бы гораздо больше и времени, и мѣста), то по крайней мѣрѣ, дать ключъ и показать способъ расшифровки на нѣсколькихъ, наиболѣе важныхъ вопросахъ. Въ этомъ, думается намъ, состояла наша первая обязанность передъ памятью покойнаго — обязанность, которой мы не могли не выполнить...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Нижеслѣдующія приложенія должны иллюстрировать тотъ параллелизмъ между легальной и нелегальной идеологіей боевого поколѣнія 70—80-хъ годовъ, о которомъ говорится въ статьѣ тов. Ю. Граденина. Мы выбрали какъ разъ тѣ статьи, въ которыхъ ярче всего, и со всѣми точками надъ і, отразилась та теоретическая и практическая программа, которая развивалась, въ болѣе «прикровенной» формѣ, въ политико-публицистическомъ отдѣлѣ «Отечественныхъ Записокъ». Мы знаемъ, что многіе нелегальные дѣятели революціи участвовали въ то время подъ разными псевдонимами въ легальныхъ русскихъ журналахъ, и наоборотъ — крупные легальные писатели такимъ же образомъ пользовались нелегальнымъ станкомъ. Теперь еще не пришло время для того, чтобы всѣ эти псевдонимы были раскрыты. И идейная связь между тогдашней надпольной и подпольной литературой по необходимости должна иллюстрироваться въ безличной формѣ.

Нѣсколько словъ о каждомъ изъ перепечатываемыхъ ниже докоментовъ въ отдѣльности. Три первыхъ документа представляютъ собою борьбу съ предразсудками народничества противъ выставленія борьбы за политическую свободу, какъ самой неотложной и очередной задачи движенія, и противъ политическаго террора, какъ средства политической борьбы.

«Летучій Листокъ» былъ уже однажды перепечатанъ, именно въ № 3 «Былого». Редакція сопроводила его нѣсколькими замѣчаніями съ своей стороны. «Въ подлинникѣ эта прокламація — говорится въ редакціонной замѣткѣ — была, если не обманываетъ насъ память, озаглавлена «Летучій Листокъ русскихъ конституціоналистовъ». Она появилась въ Петербургѣ въ 1878 г. въ видѣ прибавленія къ газетѣ «Начало», издававшейся въ 1878 г. *). Мы перепечатываемъ «Летучій Листокъ» изъ № 11 «Общаго дѣла».

---

*) Издавала эту газету группа петербургскихъ литераторовъ, среди которыхъ, между прочимъ, видное мѣсто занималъ сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ» С. Петропавловскій-Каронинъ.

Вопреки мнѣнію редакціи, краткое названіе «Летучій Листокъ», приведенное въ «Общемъ Дѣлѣ», правильно. Что касается прибавки словъ «русскихъ конституціоналистовъ», то это было кличкою, которую дали новому направленію революціонные староверы, «аполитическіе» народники. Извѣстно, что укоризненно называли «конституціоналистами» и такихъ піонеровъ политическаго террора, непосредственной борьбы за политическую свободу, какъ Валеріана Осинскаго и его товарищей. Такимъ же точно образомъ молва соединила кличку «конституціоналистскаго» и за «Летучимъ Листкомъ».

Редакція «Былого» сообщала еще слѣдующее. «Эта прокламація принадлежитъ перу очень извѣстнаго русскаго дѣятеля. — Въ 1878 г. идеи автора «Летучаго Листка» шли въ разрѣзъ со взглядами большинства русскихъ революціонеровъ, но они заключали въ себѣ много такого, что потомъ, начиная съ половины 1879 г., было принято партіей Народной Воли. Вся важность «Летучаго Листка» будетъ понята тогда, когда возможно будетъ опубликовать обстоятельства, сопровождавшія изданіе этой прокламаціи».

Добавимъ отъ себя, что прокламація эта вышла въ то самое время, когда Михайловскій писалъ въ «Отеч. Зап.» о неизбѣжности и моральномъ правѣ борьбы со зломъ «жестокими, даже террористическими средствами».

«Исполнительный Комитетъ Народной Воли» былъ воплощеніемъ того «тайнаго комитета общественной безопасности», возникновеніе котораго авторъ «Листка» считалъ и неизбѣжнымъ, и цѣлесообразнымъ.

«Политическія письма соціалиста» (изъ №№ 2 и 3 «Народной Воли») представляютъ собою какъ бы дальнѣйшее логическое продолженіе и обоснованіе идей «Летучаго Листка». Они подписаны псевдонимомъ «Гроньяръ». «Я прошу васъ до времени не публиковать моего имени» — писалъ авторъ. — «Подписываюсь псевдонимомъ, дорогимъ мнѣ по нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ и, можетъ быть, соотвѣтствующимъ ворчливому тону моихъ писемъ». Авторъ писемъ привѣтствуетъ ту новую струю, которая внесена въ революціонную практику «Народной Волей», находя лишь, что этотъ «выходъ на настоящую дорогу» долженъ былъ совершиться еще раньше. Мастерски освѣщая взаимное отношеніе между самодержавіемъ, бюрократіей, буржуазіей, рабочимъ народомъ и революціонной интеллигенціей, первое письмо ставитъ задачей ближайшей революціи «завоеваніе земли и воли», и сожалѣетъ о томъ, что этотъ девизъ «земля и воля» оставленъ революціонерами. На это послѣднее замѣчаніе редакція «Народной Воли» ото-

звалась слѣдующимъ коротенькимъ примѣчаніемъ: «Въ № 1 нашей газеты мы подробно излагали внѣшнія причины, вынудившія насъ съ сожалѣніемъ отказаться отъ названія, которое было и остается нашимъ девизомъ, нашимъ лозунгомъ, какъ выразились мы въ этомъ объясненіи. Уважаемый авторъ, вѣроятно, недостаточно внимательно прочелъ его». Какъ извѣстно, послѣ раскола «Земли и Воли» на двѣ части, обѣ они разошлись мирно и корректно, по опредѣленному соглашенію ликвидировавши общія дѣла; и такъ какъ ни одна изъ расколовшихся частей не согласилась бы уступить другой имя «Земли и Воли», равно дорогое обѣимъ, то и было рѣшено, что обѣ возьмутъ новые партійные девизы».

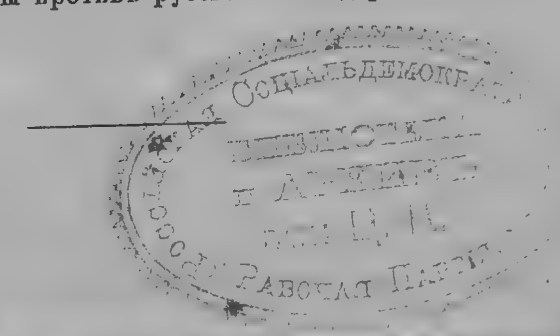
Второе письмо имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, опроверженіе того толкованія смысла и значенія политическаго террора, который былъ усвоенъ частью наиболѣе правовѣрныхъ народниковъ. Прежде всего и болѣе всего боясь отойти отъ «чистаго» соціализма, они сводили терроръ къ простой, элементарной самозащитѣ. Они настаивали, что уклоняются отъ политической борьбы, и лишь постольку выступаютъ противъ отдѣльныхъ представителей политическаго режима, поскольку вынуждаются къ этому интересами самосохраненія. Такая постановка вопроса о террорѣ сводила бы послѣдній къ мелкой борьбѣ противъ отдѣльныхъ Гейкинговъ и Кропоткиныхъ, тогда какъ на дѣлѣ убиты должны быть не они, а самая идея самодержавія. Такая постановка вопроса о террорѣ отрываетъ его отъ массъ и дѣлаетъ его какъ бы «личнымъ дѣломъ» борцовъ революціи, а не политическимъ актомъ, направленнымъ во имя интересовъ народа противъ враждебнаго ему строя и потому противъ лицъ, этотъ строй наиболѣе полно воплощающихъ. «Гроньяръ» и предлагалъ революціонерамъ разсматривать террористическую борьбу, какъ особый родъ, методъ политической борьбы — методъ, къ которому могутъ прибѣгать и всякія другія фракціи, вплоть даже до реакціонныхъ, ибо нѣтъ методовъ борьбы, которые бы по самому существу своему были буржуазными или соціалистическими, — есть только цѣлесообразные при опредѣленныхъ условіяхъ. Безъ этихъ предварительныхъ замѣчаній чтеніе второго письма, написаннаго въ разбросанной полемической формѣ, можетъ повести къ недоразумѣніямъ. Редакція «Народной Воли», напримѣръ, въ примѣчаніи оговорила, что ей все таки не вполнѣ ясенъ взглядъ автора на политическія убійства; тогда какъ намъ кажется, напротивъ, этотъ взглядъ вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ, особенно, если его сопоставить съ взглядами, выраженными въ «Летучемъ Листкѣ». Кстати: второе изъ «писемъ соціалиста» сопровождалось обѣщаніемъ подробнѣе поговорить на затронутыя въ немъ темы въ слѣдующихъ письмахъ. Ихъ, однако, уже не воспослѣдовало. Событія

заставляли писать о другомъ, а вскорѣ сошли со сцены тѣ лица, черезъ которыхъ поддерживались связи съ «Гроньяромъ».

Статья «Лисій хвостъ и волчій ротъ» представляетъ собою блестящее обличеніе первообраза всѣхъ самодержавныхъ «сердечныхъ попеченій» въ видѣ политики Лорисъ-Меликова. Она представляетъ собою документъ первостепенной исторической важности, выясняя странѣ ту позицію, которую заняла Народная Воля въ этотъ критическій, поворотный моментъ политической жизни Россіи по отношенію къ этому шахматному ходу русскаго самодержавія.

Такимъ же документомъ является и знаменитое «Открытое письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III. «Редакція этого письма поручена была тремъ литераторамъ, изъ которыхъ широкой публикѣ извѣстно имя только одного — нелегальнаго Л. Тихомирова, а потому письмо это и слыветъ въ публикѣ большей частью подъ именемъ «тихомировскаго» письма, — что совершенно невѣрно. Письмо это въ главной своей части принадлежитъ другому лицу, имя котораго пока не подлежитъ оглашенію».

Нѣтъ надобности обосновывать мотивовъ, по которымъ мы прилагаемъ также «Письмо къ редактору «Отечественныхъ Записокъ», переданное Энгельсомъ для напечатанія въ «Вѣстникъ Народной Воли» и въ публикѣ обычно называемое «Письмомъ Маркса къ Михайловскому». Важнымъ дополненіемъ къ нему является письмо Лопатина о его разговорахъ съ Марксомъ и Энгельсомъ, опубликованное съ разрѣшенія Энгельса въ «Матеріалахъ по исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія». Это письмо, къ тому же, содержитъ интересный отзывъ Маркса и Энгельса о «Письмѣ Исполнительнаго Комитета къ Александру III». Необходимо лишь отмѣтить, что, поддерживая «Народную Волю» въ ея борьбѣ противъ «аполитическаго народничества», Марксъ и Энгельсъ перегибали палку въ противоположную сторону, черезчуръ затирая задачи соціалистической подготовки рабочихъ массъ передъ задачей непосредственной борьбы противъ русскаго самодержавія.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЛЕТУЧІЙ ЛИСТОКЪ

(№ 1 апрѣль 1878 г.)

Бываютъ тревожныя минуты, когда логика событій, не смотря на ихъ кажущуюся безпорядочность и внезапность, съ непреодолимою силою намѣчаетъ ближайшій историческій шагъ, безусловно необходимый для страны.

Мы переживаемъ одну изъ такихъ рѣшительныхъ минутъ.

Для уразумѣнія предстоящей русскому обществу задачи не требуется особенной проницательности. Жизнь, факты говорятъ сами за себя такъ громко, вскрыть ихъ общій принципіальный смыслъ такъ легко, что не остается мѣста никакимъ сомнѣніямъ и разногласіямъ. Будущее покажетъ, можемъ ли мы надолго остаться единодушны, но относительно перваго шага впередъ — спора быть не можетъ.

31-е марта 1878 г. будетъ навсегда памятнымъ днемъ въ русской исторіи. Въ этотъ день общество, *«избранное общество»*, по сознанію «Московскихъ Вѣдомостей», впервые оцѣнило героизмъ молодежи, гибнущей въ тюрьмахъ и на каторгѣ. Оно услышало возмутительныя подробности генеральскаго издѣвательства надъ человѣческимъ достоинствомъ, узнало прошлое самой Засуличъ, заглянуло въ ея чистую душу и не только вынесло ей въ лицѣ присяжныхъ юридическое оправданіе, но признало ее воплощеніемъ русской совѣсти и мысли. Кто былъ на судѣ, тотъ знаетъ, что мы не преувеличиваемъ.

Чѣмъ же Засуличь стала такъ дорога обществу?

Узнавъ о генеральской расправѣ, она ждала суда и возмездія. Она не могла допустить мысли, чтобы какъ разъ въ то время, когда мы парадируемъ передъ Европой въ мундирѣ лейбъ-спасителей Болгаріи, русскій генералъ могъ безнаказано совершать турецкія звѣрства въ столицѣ державы-осво-

бодительницы. Она ждала, не дождалась, и лично на себя взяла возмездіе. *«Тяжело поднимать руку на человѣка»*, говорила она на судѣ. Но ей казалось, что это необходимо, что иначе нельзя обратить вниманіе общества на турецкія звѣрства въ Россіи. Эффектъ даже превзошелъ, вѣроятно, ея ожиданія.

Мы знали, конечно, и прежде, гдѣ мы живемъ, но на этотъ разъ страшная, позорная истина предстала во всей наготѣ и мы почувствовали, до какой степени безсловесна и безсудна наша родина. Наша пресса, умершая и погребенная подъ бременемъ безсудности, славословила освобожденіе славянъ и молчала о рабствѣ Россіи. Общественное мнѣніе тоже не смѣло наказать баши-бузуцкаго генерала. И насъ охватили негодованіе и жгучій стыдъ.

Съ этихъ поръ между правительствомъ и обществомъ открылась пропасть, и въ нынѣшнее же лѣто, отъ оправданія Засуличъ первое, царствованія же императора Александра II двадцать четвертое, фактъ передачи общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки долженъ обратиться въ принципъ. Фактъ уже существуетъ и проявляется въ цѣломъ рядѣ дѣяній, героическихъ или подлыхъ, но по необходимости беззаконныхъ.

Безсильное во внѣшнихъ дѣлахъ, готовящееся къ позорному миру, правительство и внутри перестаетъ функціонировать. Оно вызываетъ Засуличь на судъ и расправу надъ генераломъ Треповымъ и безмолвно назначаетъ генералъ-губернаторомъ Москвы цехъ мясниковъ и Охотный Рядъ.

Событія идутъ быстро и всѣ въ одномъ и томъ же направленіи.

Правительство не хочетъ или не можетъ остановить жестокую, наглую дѣятельность кіевскаго товарища-прокурора Котляревскаго, и частныя лица берутся за это дѣло. Правительство не хочетъ или не можетъ предотвратить результаты безумнаго университетскаго суда, и частныя лица совершаютъ казнь надъ Матвѣевымъ. Правительство не можетъ остановить московскую демонстрацію, и представителями его являются частныя лица — московскіе мясники. Правительство, несмотря на присутствіе полиціи и войска

не хочетъ или не можетъ прекратить варварскую бойню, и мясники вторично просятъ „работы".

Такимъ образомъ, фактически отправленіе правосудія и охрана гражданъ отъ насилій ускользаетъ изъ рукъ правительства.

Но такое ненормальное положеніе вещей невозможно. Мы не смѣемъ жертвовать тѣми частными лицами, которымъ *„тяжело поднять руку на человѣка"*, и не можетъ отдаться на жертву мясникамъ, которымъ это легко. Нуженъ выходъ. Его указываетъ самое положеніе вещей.

Само правительство инстинктивно вовлекается въ водоворотъ. *„Правительственный Вѣстникъ"* перепечатываетъ выходки частной газеты противъ вердикта законами установленнаго въ имперіи суда. Императоръ дѣлаетъ визитъ сочуствія генералу Трепову, опозоренному дѣломъ 31 марта, и гласно отдѣляетъ свои личныя симпатіи отъ симпатій общества.

Таковы факты. Разрозненные, безпорядочные, они должны быть возведены въ принципъ.

Принципъ этотъ называется: ***конституція, земскій соборъ.***

Тщетно правительство грозитъ репрессаліями, какъ закрытіе высшихъ учебныхъ заведеній, запрещеніе газетъ, приравниваніе жандармскихъ командъ къ военному караулу или законодательное сокращеніе района дѣйствій суда присяжныхъ.

Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки. Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго правленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть ***тайный комитетъ общественной безопасности.*** И тогда горе безумцамъ, становящимся поперекъ путей исторіи!

Безъ того или другого принципіальнаго объединенія отдѣльныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о безсиліи правительства, обойтись нельзя.

Рѣшительныя минуты создаютъ рѣшительныхъ людей!

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА СОЦІАЛИСТА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Привѣтъ вамъ, братья!

Привѣтъ вамъ съ родины Руссо и во имя Руссо, чье широкое сердце умѣло ненавидѣть и политическое, и экономическое рабство, чей широкій умъ охватывалъ и принципъ политической свободы, и принципъ соціализма, Земли и Воли.

Жадно и скорбно слѣдилъ я за всѣмъ, что дѣлается въ измученной родной странѣ. Вами я любовался. Но — простите, дѣло прошлое, — подчасъ много укоризны слалъ вамъ мысленно.

Еслибы царь-освободитель Александръ Милостивый, обладалъ юмористическимъ талантомъ царя-мучителя Ивана Грознаго, онъ разсылалъ бы по монастырямъ синодики не короче тѣхъ, въ которыхъ Иванъ поминалъ «невинныхъ страдальцевъ». Александръ Милостивый никого на колъ не сажаетъ, въ рѣкахъ не топитъ и собственныхъ царскихъ рукъ не обагряетъ кровью вѣрноподданныхъ барановъ. Но въ три вѣка бараны переродились. Гдѣ прирожденные холопы XVI-го вѣка, пѣвшіе, сидя на колу, хвалу царю-мучителю? Ихъ нѣтъ даже въ III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Гдѣ всеобщая вѣра въ божественный источникъ самодержавной власти? На кончикѣ льстиваго языка московскаго митрополита. Нынѣшняго русскаго вѣрноподданнаго нельзя посадить на колъ или изжарить на сковородѣ. Его можно, съ соблюденіемъ юридическихъ приличій, повѣсить, сгноить въ центральной тюрьмѣ; безъ всякихъ приличій, сослать въ Мезень или Якутскъ. Но главная разница не въ формѣ гоненія, а въ томъ, какъ оно принимается гонимыми. Булавочный уколъ въ наше время чувствительнѣе раны отъ

желѣзнаго посоха Ивана Грознаго. Покорное благоговѣніе растерялось въ теченіи трехъ вѣковъ; оно замѣнилось озлобленіемъ. Времена Грознаго напоминаетъ только безстрашіе жертвъ: покорно-безстрашно садился холопъ XVI вѣка на колъ, озлобленно-безстрашно идетъ русскій соціалистъ въ тюрьму, на каторгу, на висѣлицу. Я даже не ставлю вамъ этого въ большую заслугу. Когда обухъ реакціи виситъ надъ головами всѣхъ и каждаго, когда ни одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не можетъ поручиться за свой завтрашній день, страхъ пожираетъ самъ себя, и вамъ, закаленнымъ врагамъ правительства, трепетать не приходится. Вы знаете, что замучивъ христіанскаго бога, римскіе жандармы помогли распространенію христіанства. Дѣйствительный статскій совѣтникъ не имѣетъ этого утѣшенія.

Вы не боитесь тюрьмы, каторги, висѣлицы. Но вы боитесь собственной мысли, хотя, кажется, слѣдуетъ употребить прошедшее время: боялись.

Изучая новѣйшую исторію, вы узнали, что Великая Революція не привела Европу въ обѣтованную землю братства, равенства и свободы, что конституціонный режимъ, вручая власть буржуазіи, предоставляетъ ей, подъ покровомъ формальной политической свободы, экономическую власть надъ народомъ. Этотъ горестный результатъ европейской исторіи вселилъ въ васъ недовѣріе къ принципу политической свободы. Я, русскій, переболѣвшій всѣми русскими болѣзнями и здѣсь, на свободной республиканской почвѣ, во-очію наблюдающій ходъ политической и экономической борьбы, знаю цѣну вашему недовѣрію. Да, вы правы. Конституціонный режимъ не рѣшаетъ тяжбы труда съ капиталомъ, не устраняетъ вѣковой несправедливости присвоенія чужого труда, напротивъ, облегчаетъ ея дальнѣйшій ростъ. Но вы глубоко неправы, когда отказываетесь отъ политической борьбы. Изъ живыхъ людей, страстно отдающихся своей идеѣ, вы обращаетесь въ сухихъ доктринеровъ, въ книжниковъ, упрямо затвердившихъ теоретическій выводъ, которому противорѣчитъ вся практика.

Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собой ненавистное иго буржуазіи.

Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго императора божіей милостью. У русскаго гербоваго орла двѣ головы, два жадныхъ клюва. Одинъ рветъ тѣло русскаго народа съ династически-военно-полицейскими цѣлями, для расширенія и содержанія въ повиновеніи окраинъ и для сохраненія декорума деспотической власти. Вы не довольно ненавидите этотъ безпощадный, безумный «желѣзный носъ» и не довольно любите терзаемый имъ русскій народъ, если отказываетесь отъ политической борьбы. Вы живете теоріей и будущимъ, когда практика и настоящее ужасны! Но вы и въ теоріи ошибаетесь: у гербоваго орла *два* хищные клюва, они связаны единствомъ ненасытнаго желудка.

Александръ II не дастъ конституціи; ее можно только вырвать у него. Онъ съ упрямствомъ слѣпца хочетъ умереть самодержавнымъ царемъ, ревниво оберегая декорумъ деспотической власти отъ жалкихъ проблесковъ оппозиціи въ земствѣ, въ литературѣ, въ судѣ. Но это — его личное дѣло. Въ государственномъ же смыслѣ самодержавіе на Руси, кромѣ военно-полицейской дѣйствительности, есть уже давно только блестящій миѳъ, живущій лишь кое-гдѣ въ незлобивомъ сердцѣ крестьянина. Россія только покрыта горностаевой царской порфирой, подъ которой происходитъ кипучая работа набиванія бездонныхъ, приватныхъ кармановъ жадными приватными руками. Сорвите эту когда-то пышную, а теперь изъѣденную молью порфиру, и вы найдете вполнѣ готовую, дѣятельную буржуазію. Она не отлилась въ самостоятельныя политическія формы, она прячется въ складкахъ царской порфиры, но только потому, что ей такъ удобнѣе исполнять свою историческую миссія расхищенія народнаго достоянія и присвоенія народнаго труда. Великому князю Константину нуженъ самодержавный царь, чтобы за его спиной обдѣлывать свои приватныя воровскія дѣла. Министру Валуеву нуженъ самодержавный царь, чтобы изъ-подъ его руки расхищать государственныя имущества. Деревенскому кулаку нужна эманація самодержавнаго царя — самодержавный исправникъ, чтобы закрѣпощать голыдьбу. Фабриканту нужна такая же эманація — самодержавный

полиціймейстеръ, чтобы перепороть стакнувшихся рабочихъ. Европейской буржуазіи самодержавіе — помѣха, нашей буржуазіи оно — опора. Въ Европѣ политическая свобода была провозглашена уже послѣ того, какъ сложилось крѣпкое, организованное, умственно и матеріально сильное третье сословіе. Въ этомъ горе Европы и урокъ намъ. У насъ политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чѣмъ буржуазія настолько сплотится и окрѣпнетъ, чтобы не нуждаться въ самодержавномъ царѣ и его эманаціяхъ. Такая минута наступитъ. Буржуазія, выросшая подъ сѣнью царской порфиры, разорветъ ее въ клочки, и что вы скажете тогда на неподкупномъ судѣ исторіи? Отстраняясь отъ политической борьбы, задержали ли вы развитіе буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что, чѣмъ самодержавнѣе исправникъ, тѣмъ легче кулаку грабить.

Предразсудокъ противъ политической борьбы силенъ въ Россіи. Имъ заражены люди самые достойные. Между ними есть и люди мирнаго прогресса и люди революціи. Люди мирнаго прогресса думаютъ, что самодержавіе только тогда завершитъ свою миссію, когда крестьянинъ достаточно оперится умственно и матеріально, чтобы не дать себя поглотить буржуазіи. Это было бы основательное разсужденіе, еслибы самодержавіе не давало простора приватному хищничеству и еслибы само оно не питалось кровью и плотью народа. Гдѣ заботы самодержавія объ умственномъ и матеріальномъ развитіи народа? На чемъ держится надежда на самодержавіе, когда оно до костей исклевало крестьянина своимъ желѣзнымъ носомъ?

Люди революціи разсчитываютъ на народное возстаніе. Это дѣло вѣры. Я не имѣю ея. Но, становясь на точку зрѣнія вѣрующихъ, я спрашиваю: Когда народное возстаніе вѣроятнѣе? Тогда ли, когда на вершинѣ политическаго строя сидитъ далекій, полумиѳическій царь, въ котораго темный народъ, по преданію, еще вѣритъ, или тогда, когда страною правятъ выборные люди, обыкновенные люди, безъ всякаго мистическаго ореола?

Не политическая свобода отвѣтственна за соціальную болѣзнь Европы, а система приватнаго хищничества. До из-

вѣстнаго времени эта система не только не нуждается въ политической свободѣ, но, напротивъ, находитъ себѣ лучшую поддержку въ іерархической эманаціи самодержавія. Въ такомъ положеніи находится Россія. Живите же настоящимъ, боритесь съ живымъ врагомъ! Онъ не щадитъ васъ, за что же вы будете систематически щадить его?

Вы не боитесь тюрьмы и каторги. Вы боитесь собственной мысли...

Но я уже оговорился, что слѣдуетъ, кажется, употреблять прошедшее время: боялись. Получивъ «Народную Волю», я тотчасъ-же взялся за перо, чтобы послать вамъ горячій привѣтъ съ родины Руссо и во имя Руссо. Но вашъ поздній выходъ на настоящую дорогу и всѣ мои наблюденія убѣждаютъ меня, что «Политическія письма соціалиста» будутъ не лишни. Предразсудокъ противъ политической борьбы вскормленъ всей русской исторіей, пріучившей насъ жить не практикой настоящаго, изъ которой самодержавіе гонитъ всякую честную дѣятельность, а будущимъ, теоріей и фантазіей. Повторяю: достойнѣйшіе люди, соль земли русской, заражены этою болѣзнью. Пора, давно пора выздоровѣть и понять, что политическій непотизмъ выгоденъ только врагамъ народа. Конституціонный режимъ есть вопросъ завтрашняго дня въ Россіи. Этотъ завтрашній день не принесетъ разрѣшенія соціальнаго вопроса. Но развѣ вы хотите завтра-же сложить руки? Развѣ вы устали бороться? Вѣрьте мнѣ, что даже самое единодушное народное возстаніе, если бы оно было возможно, не дастъ вамъ опочить на лаврахъ и потребуетъ новаго напряженія, новой борьбы. Вѣкъ живи, вѣкъ борись! «Миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе» принадлежитъ далекому будущему. Мы съ вами не доживемъ до него. Всѣхъ перипетій будущей борьбы предвидѣть нельзя. Русское народное возстаніе можетъ выставить геніальнаго честолюбца-Цезаря, полубога, передъ которымъ покорно склонитъ голову несчастная родина; европейское соціалистическое возстаніе можетъ вызвать вмѣшательство императорскихъ русскихъ войскъ, уже водворявшихъ «порядокъ» въ Венгріи и «спасавшихъ царей» въ Италіи. И мало ли еще какія комбинаціи возможны внѣ

заколдованнаго круга конституціи и народнаго возстанія, въ которомъ вращается ваша политическая мысль. Не будемъ же жертвовать сегодняшней борьбой ради завтрашней! Или не довольно широко ваше сердце, чтобы обнять одною ненавистью государственное и приватное хищничество даже тогда, когда они срослись въ двуглаваго орла съ однимъ желудкомъ? Бейте по обѣимъ головамъ кровожадной птицы!

И еще спрошу: зачѣмъ оставили вы свой прекрасный девизъ: «Земля и Воля»? Куда бы ни направилъ въ частномъ случай вашу борьбу практическій ходъ жизни, этотъ девизъ долженъ быть вашимъ. Одной половиной его — «Волей», вы примыкаете ко всѣмъ уважающимъ себя людямъ, которымъ ненавистно самовластіе; другая половина — «Земля» выдѣляетъ васъ изъ общаго либеральнаго хора. Глубокій политическій смыслъ заключается въ этой двойственной формулѣ: воля всѣмъ, земля земледѣльцу. Конституцію сочинить на трудно; ее напишетъ и Валуевъ, и Шуваловъ, и Побѣдоносцевъ. Но европейская исторія учитъ насъ, что Бисмарки и Наполеоны, даже Миланы и Ристичи во всякую данную минуту могутъ разорвать хартію воли, если въ сохраненіи ея не заинтересована милліонная масса народа. Русскій народъ грудью встанетъ только за такую волю, которая гарантируетъ ему землю. Онъ равнодушно, даже злорадно будетъ смотрѣть на самое наглое нарушеніе конституціи, если въ основѣ ея будетъ лежать циркуляръ Макова. Избирая себѣ девизъ «Земля и Воля» вы повинуетесь не только народнымъ идеаламъ и голосу высшей справедливости, но и практическимъ требованіямъ истиннаго, непризрачнаго осуществленія самой воли.

Бейте же по обѣимъ головамъ хищной птицы! Vogue la galère!

Женева, 2 ноября (21 октября) 1879 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Мнѣ не разъ случалось бывать въ обществѣ русскихъ эмигрантовъ и просто наѣзжихъ изъ Россіи людей крайнихъ мнѣній, слушать типическіе длинные русскіе разговоры, то восторженные, то мучительно-тоскливые, и самому принимать въ нихъ участіе. Но одинъ разговоръ особенно врѣзался мнѣ въ память. Среди горячаго спора, одинъ наѣзжій изъ Россіи замѣтилъ своему опоненту, эмигранту: „Вамъ хорошо разсуждать, когда вы три года высидѣли въ тюрьмѣ, какъ птица небесная; вѣдь вы на счетъ народа сидѣли!“ Опонентъ отвѣтилъ натянутымъ смѣхомъ. Я очень оцѣнилъ эту выходку и этотъ натянутый смѣхъ. Ни одному европейскому революціонеру не придетъ въ голову такая утонченно-самообличительная мысль. Рѣшительный или не рѣшительный въ жизни, онъ твердъ въ мысли о безусловной правотѣ своего дѣла. Русскій же революціонеръ, пройдя съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ весь крестный путь лишеній, оскорбленій, страданій, на который обреченъ свободный человѣкъ въ Россіи, можетъ наканунѣ повѣшенія призадуматься: имѣю ли я право, хотя бы въ предсмертныхъ судорогахъ, висѣть на этомъ кускѣ дерева, составляющаго народное достояніе? Не ограбилъ ли я народъ на это сосновое бревно съ перекладиной и на ту долю труда, которая въ него положена?

Я далекъ отъ намѣренія представлять въ смѣшномъ видѣ характерную симпатичную черту русской революціи. Напротивъ, я думалъ о ней съ глубокимъ умиленіемъ. Она свидѣтельствуетъ о такой глубокой чистотѣ, передъ которой меркнутъ всѣ уличенія въ безнравственности. Но я посвящу особое письмо этой чистотѣ и вопросу о томъ, что дѣлаютъ съ ней дѣти мрака, и злобы, люди безъ головы, съ мохнатымъ сердцемъ, заправляющіе судьбами родины. Теперь я хочу обратить ваше вниманіе на нѣкоторыя прискорбныя послѣдствія характернаго раздумья русской революціи.

Имѣю ли я право что-нибудь знать, когда народъ пресмыкается въ мракѣ невѣжества? Имѣю ли я право кричать

отъ боли, отдавать наносимые мнѣ удары, желать себѣ простора, когда побои терпитъ и народъ? Мнѣ часто случалось уловлять эти и подобные вопросы не только въ мысляхъ, но и въ словахъ, даже въ дѣйствіяхъ русскихъ революціонеровъ. Святые вопросы! Но, при данныхъ обстоятельствахъ, они обращаются на практикѣ въ источникъ противорѣчій, недоразумѣній, нерѣшительности, потери времени и силъ. Мучительные вопросы, какъ говорятъ французы, вставляютъ палки въ колеса, мѣшаютъ отдаться призыву жизни и свободы, мѣшаютъ наконецъ даже назвать настоящимъ именемъ собственную дѣятельность и вести ее твердо, сознательно, систематично. Я живо помню свои разговоры съ революціонерами по поводу политическихъ убійствъ, разговоры, основаніе которыхъ европейскій революціонеръ-соціалистъ даже понять не можетъ. Я не способенъ хладнокровно убить человѣка и никогда не считалъ себя въ правѣ учить другихъ, кого и какъ слѣдуетъ убивать. Но, отвлекаясь отъ личныхъ свойствъ и смотря на дѣло исключительно съ логической стороны, я добивался знать какой практическій смыслъ имѣютъ убійство Мезенцева, Гейкинга и пр. Среди различныхъ полученныхъ мною предположеній и объясненій были такія. Русская революція, говорили мнѣ, имѣетъ исключительно соціальный характеръ, мы не хотимъ конституціи, она наложитъ только новое ярмо на народъ, а потому мы уклоняемся отъ политической борьбы; убійства же имѣютъ просто характеръ самозащиты: намъ мѣшаютъ шпіоны — и мы ихъ устраняемъ, насъ тѣснятъ Мезенцевы — и мы платимъ кровью за кровь. Я возражалъ: вы просто путаетесь въ словахъ и боитесь собственной мысли. Что же такое ваша самозащита, какъ не политическая борьба? Вы не хотите ея, васъ вынуждаютъ на нее обстоятельства, но такъ было всегда и вездѣ. Въ этомъ отношеніи вы не составляете чего-нибудь безпримѣрнаго въ исторіи. Всегда и вездѣ люди выходили на арену политической борьбы потому, что данная политическая организація стѣсняла ихъ свободную дѣятельность. Съ вами происходитъ то-же самое, съ тою разницей, что, за неимѣніемъ мало-мальски свободнаго

пространства для открытой борьбы, вы вынуждены прибѣгать къ тайнымъ политическимъ убійствамъ. Но и убійства эти — не новость въ исторіи и нѣтъ въ нихъ ничего спеціально-соціалистическаго. Это просто особый родъ политической борьбы, къ которому прибѣгаютъ и аристократы, и клерикалы, и либералы и просто интриганы: Равальяки, Анскатримы, Шарлотты Корде, Лувели, русскіе сіятельные убійцы Петра III и Павла, чьи столь-же сіятельные и столь-же подлые потомки содрогаются мохнатыми сердцами, вспоминая чистый образъ Засуличъ, которой было „тяжело поднять руку на человѣка", и неизвѣстныхъ убійцъ Мезенцева, Кропоткина и пр. Нѣтъ, ваши убійства не заключаютъ въ себѣ ничего соціалистическаго. Это актъ чисто-политической борьбы. Вы поневолѣ повинуетесь требованіямъ жизни, но все-таки упираетесь, прячетесь отъ самихъ себя, не доводите свою собственную мысль до логическаго конца, не обращаете ее въ систему — а противъ васъ стоитъ цѣлая система. Не такія ничтожества, какъ Гейкингъ или Кропоткинъ мѣшаютъ вашей дѣятельности, а весь русскій политическій строй въ цѣломъ и во всѣхъ подробностяхъ. Онъ, какъ страшный желѣзный молотъ, давитъ въ Россіи все, кромѣ буржуазіи, которую вы считаете своимъ единственнымъ врагомъ. Повѣрьте, что ни одинъ волосъ не падетъ съ головы этой буржуазіи безъ кроваваго отомщенія со стороны русскаго самодержавія. По манію царя, государство станетъ на защиту вашихъ враговъ, „стальной щетиною сверкая", и что тутъ значатъ Гейкингъ, Кропоткинъ, когда любой московскій мясникъ можетъ ихъ замѣнить во всякую данную минуту? Нѣтъ, не Гейкингъ и Кропоткинъ должны быть убиты, а идея самодержавія. Она должна быть вырвана съ корнемъ изъ жизни и изъ сердца народа, долготерпѣливаго, темнаго, все еще ждущаго чего-то отъ царя. Народъ! Развѣ во имя народа убиты Мезенцевъ, Гейкингъ? Нѣтъ, это ваше личное дѣло, личная полемика при помощи кинжаловъ и револьверовъ. Для народа эти презрѣнные люди только вѣрные слуги полумифическаго царя, отъ которыхъ непосредственно народъ никогда зла не ощущалъ. Другое дѣло Маковъ, на понятномъ народу языкѣ

земельнаго вопроса заявившій, со смѣлостью глупца, что онъ врагъ народа. Другое дѣло становой, высѣкающій изъ мужицкаго тѣла недоимку, какъ огонь изъ кремня, и всякій близкій осязательный притѣснитель и обидчикъ. Такихъ убійствъ не слыхать однако. Вы не ищете опоры ни въ народѣ, ни въ какомъ другомъ общественномъ элементѣ, потому что не хотите политической борьбы; вы довольствуетесь „самозащитой", т. е. политической-же борьбой, но отрывочной, безсистемной, несознанной...

Такъ приблизительно говорилъ я съ нашими революціонерами много времени тому назадъ (здѣсь я только примѣръ Макова прибавилъ). Опоздали ли эти разсужденія или еще на что-нибудь годятся — судить не берусь. Повторяю, я не убійца и не подстрекатель на убійства. Лично мнѣ политическая борьба представляется въ совсѣмъ иныхъ формахъ. Я только логически развиваю положеніе людей, берущихся за кинжалъ и револьверъ, и вижу, что они не могутъ довести собственную мысль до конца изъ-за предразсудка относительно политической свободы. Чего добраго, систематическая политическая борьба, опирающаяся на тотъ или другой общественный элементъ, или даже на всѣ недовольные элементы, поведетъ къ политическому перевороту, къ „конституціи"! Вотъ „жупель", отъ котораго бѣжитъ русскій революціонеръ!

Я вижу тебя, моя несчастная родина! Бѣлая пелена снѣга лежитъ на твоихъ поляхъ и лугахъ. Ледъ сковалъ твои рѣки, пруды и озера. Еловыя вѣтви гнутся подъ тяжестью снѣжной сѣдины. Каждая береза обвита бѣлымъ саваномъ. Глухо. Мертво... Но вотъ начинается теплится жизнь. Эта — русская революція. Ярче, ярче разгорается ея благодатный огонь, кругомъ оттаиваетъ саванъ снѣга и... обманъ! Эти люди умѣютъ умирать и не хотятъ жить.

Они говорятъ, что не имѣютъ права жить, потому-что, завоевывая себѣ жизнь путемъ систематической политической борьбы, они должны будутъ подать руку либераламъ и помочь имъ наложить новое ярмо на народъ. Они не видятъ, что сила обстоятельствъ все-равно роковымъ образомъ влечетъ ихъ къ политической борьбѣ и что вопросъ только въ

томъ, вести ли ее урывками, безъ системы, лично за себя и для себя, или за всю родину и для всей родины. Они такъ свыклись съ Пинегой и Якутскомъ, съ этимъ мертвымъ царствомъ льдовъ, снѣговъ, мрака, холода, что имъ, конечно, чуждъ народный стонъ, выразившійся въ поговоркѣ: „гирши, та инши". „Уже испекся!" говорилъ христіанскій мученикъ, которому поджарили одинъ бокъ на сковородѣ: онъ хотѣлъ, чтобы его повернули на другой бокъ, чтобы наболѣвшій бокъ отдохнулъ, хотя цѣною новой боли. Это голоса жизни. И почему „гирши", если „инши"? Я старался показать въ первомъ письмѣ, постараюсь показать въ будущихъ, что и безъ конситуціоннаго режима народъ отданъ самодержавіемъ во власть самой необузданной системы приватнаго хищничества, въ придачу къ хищничеству государственному. Народу „гирши" быть не можетъ. Вамъ тоже: дальше Сахалина нѣтъ русскихъ владѣній, выше висѣлицы вздернуть никого нельзя!

Союзъ съ либералами тоже не страшенъ, если вы вступите въ него честно, и безъ лицемѣрія объявите имъ свой святой девизъ: „Земля и Воля". Они къ вамъ пристанутъ, а не вы къ нимъ. Въ практической борьбѣ безумно не пользоваться выгодами союзовъ, хотя бы случайныхъ и временныхъ. И признаюсь вамъ: я думаю, что многіе либералы гораздо къ вамъ ближе, чѣмъ вамъ кажется. Они были бы еще ближе, если бы ясно понимали особенности условій русской жизни. Меня спрашиваютъ: какъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу грядущей русской конституціи циркуляръ Макова, вовсе не затрогивающій вопроса о политическихъ формахъ? Отвѣчаю: косвенно онъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу конституціи организаціей избирательнаго права, непосредственно же онъ можетъ быть на вѣки изгнанъ, чтобы и память о немъ погибла, „аки Обры, ихже нѣсть племени ни наслѣдка", установленіемъ основного государственнаго закона въ родѣ американскаго Homstead Law, только въ болѣе опредѣленной, послѣдовательной формѣ. Америка, страна колоссальной наживы, не убоялась ввести у себя, хотя отчасти, принципъ принадлежности земли земледѣльцу. Тѣмъ легче

будетъ утвердить этотъ принципъ у насъ, гдѣ онъ и безъ того живетъ не только въ душѣ народа, но и въ сознаніи каждаго порядочнаго интеллигентнаго человѣка. Если царь осуществитъ этотъ народный идеалъ, дѣло русской свободы, а можетъ быть и европейской, отодвинется на многіе годы. За такимъ царемъ народъ пойдетъ на край свѣта и, въ случаѣ надобности, зальетъ кровью всю Европу. Но царь этого не сдѣлаетъ — онъ не мужицкій царь, а солдатско-кулацкій. Однако долго народъ не извѣрится въ царя. Станемъ же на его мѣсто, предоставимъ народу землю, и тогда на вѣки сотрется позорное клеймо раба со лба русскаго человѣка. Никакой царь не сломитъ воли, основанной на благоденствіи народа. Неужели же наша интеллигенція упуститъ этотъ единственный историческій моментъ и призоветъ на себя печать Каина, который убилъ своего родного брата, но и самъ изнылъ отъ позора? Я убѣжденъ, что словами „Земля и Воля“ исчерпывается для нашей интеллигенціи единственно-возможная программа и что внѣ ея интеллигенція осуждена на роль вѣчнаго политическаго недоноска. C'est la fatalité.

Женева, 9 декабря (27 ноября)
1879 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИСІЙ ХВОСТЪ И ВОЛЧІЙ РОТЪ.

1. Къ характеристикѣ Лорисъ-Меликова.

Говорятъ, что къ фигурамъ Минина и Пожарскаго на извѣстномъ московскомъ монументѣ будетъ въ скоромъ времени прибавлена статуя графа Лорисъ-Меликова. Говорятъ, что благодарная Россія изобразитъ графа въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, но съ волчьимъ ртомъ спереди и

лисьимъ хвостомъ сзади, въ отличіе отъ прочихъ генералъ-адъютантовъ, отечества не спасавшихъ. Мы ничего не имѣемъ противъ такого увѣковѣченія памяти графа. Мы даже готовы принять посильное участіе въ національной подпискѣ на сооруженіе статуи. Но такъ какъ подписка еще не объявлена, то ограничимся пока духовной лептой, сообщеніемъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что графъ достоинъ памятника.

Велико было ликованіе нашихъ легальныхъ собратовъ по газетному дѣлу при назначеніи графа субалтернъ-императоромъ. Всѣ знаютъ цѣну подобныхъ ликованій. Какъ ни жестоко относятся къ намъ наши собраты, но мы всегда готовы войти въ ихъ положеніе и признать, что имъ, вынужденнымъ кланяться „собакѣ дворника, чтобъ ласкова была", нельзя было не ликовать при назначеніи диктатора, кто бы онъ ни былъ. На этотъ разъ однако ликованіе было довольно понятно. Графу предшествовала смутная репутація умнаго и либеральнаго человѣка, и самъ онъ, съ перваго-же дня своего диктаторства, сталъ мягко и любезно пошевеливать лисьимъ хвостомъ. Прокламація къ жителямъ столицы, призывъ представителей города въ комиссію, интимныя бесѣды съ журналистами, правительственное сообщеніе о пересмотрѣ дѣлъ административно-ссыльныхъ, — такова казовая сторона перваго періода диктатуры графа Лорисъ-Меликова. Каждый изъ этихъ взмаховъ лисьяго хвоста привѣтствовался не только самъ по себѣ, но и какъ задатокъ какого-то огромнаго подарка, который благородный графъ сдѣлаетъ благодарной Россіи. Чьи-то услужливые языки и перья муссировали каждое изъ этихъ событій, удесятеряли ихъ фактическое и принципіальное значеніе, — Россія была на канунѣ золотого вѣка. Независимо отъ газетныхъ восторговъ, намъ приходилось слышать, какъ старые, сѣдые практики выражали полную увѣренность въ томъ, что петербургскіе думцы станутъ постоянными членами верховной комиссіи, что въ нее войдутъ представители другихъ городовъ, земствъ, сословій. Мы слышали фантастическіе разсказы о тысячахъ, чуть-ли даже не десяткахъ тысячъ ссыльныхъ, возвращенныхъ семьѣ, отечеству, наукѣ. Мы слышали серьезныя увѣренія,

что III отд. собст. его величества канцеляріи уничтожается. Открытая реакція, нагло-жестокая и безумно-кровожадная, опечалилась. Она опустила-бы голову еще ниже, если бы графъ съ перваго шага не показалъ, что у него есть не только лисій хвостъ, а также волчій ротъ. Мы разумѣемъ казнь Младецкаго.

Наиболѣе выдающійся фактъ втораго періода диктатуры графа Лорисъ-Меликова есть низверженіе графа Толстого. Отставка этого министра народнаго помраченія есть дѣйствительная заслуга диктатора. Но радуясь этой несомнѣнно всероссійской радости, а также такимъ, пока еще сомнительнымъ радостямъ, какъ назначеніе Сабурова, Абазы, Маркова, Бунге, надо помнить, что все это только измѣненія въ составѣ населенія бюрократическаго Ноева Ковчега. Новый министръ, новые товарищи министра, новый начальникъ главнаго управненія по дѣламъ печати еще не успѣли опредѣлиться. Но положимъ, что въ ковчегѣ русской бюрократіи, какъ и въ библейскомъ Ноевомъ Ковчегѣ, чистыхъ животныхъ по семи паръ, а нечистыхъ только по двѣ. Мы готовы этому радоваться вмѣстѣ съ легальной журналистикой и со всѣмъ русскимъ обществомъ. Пріятно видѣть, что попечительное правительство даетъ намъ хорошихъ начальниковъ взамѣнъ дурныхъ. Но взмахи лисьяго хвоста не это обѣщали, не палліативы въ видѣ хорошаго начальства. А изъ за нихъ забыты всѣ обѣщанія перваго періода диктатуры.

Типическій азіатскій дипломатъ, графъ умѣетъ товаръ лицомъ показать. Съ трескомъ и громомъ явилась прокламація къ жителямъ столицы, а за кулисами обѣщанное въ ней обращеніе къ содѣйствію общества свелось къ нулю. Кимвалы и тимпаны возвѣстили приглашеніе представителей города Петербурга въ верховную комиссію, а на дѣлѣ они не были тамъ ни одного раза. Отставкѣ Дрентельна былъ приданъ характеръ сокращенія дѣятельности, если не уничтоженія III Отдѣленія, а на дѣлѣ оно продолжаетъ свою гнусную дѣятельность въ усиленныхъ размѣрахъ.

Того требуютъ азіатская натура и азіатскія привычки графа. Еще будучи начальникомъ Терской области, онъ занимался насажденіемъ шпіонства, тоже продолжалъ дѣлать

въ Харьковѣ, тоже дѣлаетъ въ Петербургѣ. Мы имѣемъ довольно достовѣрныя свѣдѣнія, что, кромѣ обыкновенныхъ агентовъ III Отдѣленія, шпіонствомъ, подъ видомъ прислушиванія къ общественному мнѣнію, занимаются и нѣкоторые русскіе литераторы, даже довольно видные, и попы, посѣщающіе Домъ Предварительнаго Заключенія. Еще большій громъ, чѣмъ отставка шефа жандармовъ, произвело правительственное сообщеніе о пересмотрѣ дѣлъ административно-ссыльныхъ. Мы знаемъ, что князь Имеретинскій объѣзжалъ нѣкоторыя тюрьмы и бѣгло разспрашивалъ содержавшихся тамъ въ ожиданіи отправки на мѣсто административной ссылки. Но если этотъ объѣздъ и дастъ какіе нибудь результаты, то до сихъ поръ ихъ не видно, а видно совсѣмъ другое. Видно, что какъ разъ въ моментъ правительственнаго сообщенія, изъ Петербурга происходили усиленныя высылки на мѣсто родины, въ Сибирь, въ захолустье европейской Россіи *).

Правительственное сообщеніе мотивировало, между прочимъ, пересмотръ желаніемъ дать нѣкоторымъ молодымъ людямъ, оторваннымъ отъ науки, возможность кончить образованіе. А намъ извѣстны такіе, напримѣръ, случаи: въ іюнѣ мѣсяцѣ студентъ IV курса М. Х. Академіи, Неуйменъ, обязанный два года назадъ подпискою о невыѣздѣ, обратился съ III Отдѣленіе съ запросомъ, можетъ-ли онъ уѣхать на каникулы. Запросъ заставилъ вспомнить о немъ, и студентъ былъ немедленно высланъ административнымъ порядкомъ. Намъ извѣстны и другіе подобные случаи.

Все это лисій хвостъ. Гдѣ же волчій ротъ?

Лисій хвостъ многіе охотно простятъ графу, даже, можетъ быть, похвалятъ за него. Скажутъ —ловкій человѣкъ. Но азіатскій дипломатъ не только ловкій человѣкъ, онъ жестокій человѣкъ. Самъ увлекаясь процессомъ надуватель-

---

*) По свѣдѣніямъ «Голоса» отъ 4-го іюня, въ восточную Сибирь прослѣдовало 64 человѣка политическихъ ссыльныхъ, изъ которыхъ 23 — административныхъ. По нашимъ свѣдѣніямъ, въ Москвѣ на 14 іюля была собрана новая партія въ 83 человѣка политическихъ ссыльныхъ, изъ которыхъ административныхъ свыше 30 человѣкъ.

ства, графъ въ этомъ увлеченіи не остановится ни передъ чѣмъ.

Наши легальные собраты берутъ иногда изъ «Народной Воли» отдѣльные клочки, какъ матерьялъ для довольно плохихъ остротъ. Но они никогда ничего не заимствуютъ, напр.,хотя-бы изъ нашей хроники арестовъ. Тѣмъ болѣе не посмѣютъ они перепечатать нижеслѣдующихъ фактовъ, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся. Но мы усердно просимъ иностранныя газеты обратить на нихъ вниманіе. Если намъ, какъ людямъ гонимымъ и пристрастнымъ, не повѣрятъ, то пусть поручатъ своимъ петербургскимъ корреспондентамъ навести точныя и подробныя справки. Пусть Европа узнаетъ, что такое либеральный азіатъ, такъ ловко умѣющій муссировать грошевую подачку, въ родѣ, напр., помилованія Ванчакова, Судейкина и Чугуевца, осужденныхъ всего на два мѣсяца къ заключенію въ смирительномъ домѣ, безъ ограниченія правъ. Объ этомъ знакѣ милосердія и либерализма протрубили и русскія и иностранныя газеты. Пусть-же Россія и Европа заглянутъ за кулисы!

Вотъ эпизоды изъ харьковскаго генералъ-губернаторства графа.

За участіе въ побѣгѣ Ѳомина, Ефремовъ былъ приговоренъ къ смертной казни. На самомъ дѣлѣ онъ ничего не зналъ о побѣгѣ, а былъ только знакомъ съ нѣкоторыми участниками. На судѣ это вполнѣ выяснилось. Главною уликою противъ него признавалось будто-бы имъ написанное письмо, въ которомъ обсуждались различные планы побѣга. На самомъ дѣлѣ письмо это было писано И. Ивичевичемъ. Послѣдній собственноручно сообщилъ объ этомъ графу Лорисъ-Меликову, указывая на тождество своего почерка съ почеркомъ преступнаго письма. Не смотря на все это, судъ вынесъ Ефремову смертный приговоръ. Затѣмъ къ Ефремову являлся прокуроръ и говорилъ такія гнусныя рѣчи: ,,Мы знаемъ что вы не причастны, но власть не должна быть компрометтирована безнаказанностью преступленія; виновные скрылись, вы отвѣтите". Онъ обѣщалъ однако отъ имени графа помилованіе, если Ефремовъ подастъ прошеніе. Тотъ отказался. Прокуроръ вновь пришелъ и уже *просилъ* пригово-

реннаго къ смерти подать прошеніе: „снимите, говоритъ онъ, тяжесть съ совѣсти, ручаюсь за помилованіе“. Совѣсть!... Ефремовъ не соглашался. Прокуроръ обратился къ его товарищамъ, чтобы тѣ его уговорили. Товарищи стали уговаривать не губить себя, (а товарищи тоже безвинно попали), и, наконецъ, чтобы облегчить ему путь, подали всѣ за себя прошеніе о смягченіи участи. Ефремовъ былъ сломанъ... „Если-бы я зналъ, какую жизнь мнѣ придется вести, я бы не подалъ прошенія: такая жизнь не стоитъ униженія“, пишетъ онъ уже съ каторги. „Но тогда я не имѣлъ достаточно силъ. Мучусь этимъ до сихъ поръ. Я не ждалъ приговора къ смерти и былъ совершенно убитъ. Я ничего не дѣлалъ, не имѣлъ даже ясныхъ убѣжденій. Смерть меня такъ пугала, что я даже опасался, что не выдержу на эшафотѣ и малодушнымъ поведеніемъ скомпрометирую партію“. Подалъ прошеніе и попалъ на 20 лѣтъ на каторгу... Затѣмъ графъ Лорисъ-Меликовъ помѣстилъ сестру Ефремова въ учебное заведеніе. Услужливые языки распускаютъ слухъ, что онъ лично за нее платилъ, но это не вѣрно; она воспитывается на казенный счетъ, хотя и по ходатайству графа.

Нужны ли комментаріи къ этимъ оригинальнымъ всполохамъ азіатской совѣсти? Нужно-ли доказывать, что заботы о воспитаніи сестры человѣка, завѣдомо невинно погубленнаго, это все равно, что та свѣчка, которую анекдотическій разбойникъ ставитъ Николаю Чудотворцу послѣ убійства? Хорошъ судъ, осуждающій на смерть невиннаго человѣка, хорошъ прокуроръ, умоляющій снять съ его совѣсти тяжесть, но лучше всѣхъ графъ, истинный виновникъ этого возмутительнаго эпизода.

Въ Петербургѣ исторія Ефремова повторилась на Сабуровѣ. Всѣ помнятъ, что судъ по дѣлу Адріана Михайлова, Веймара, Сабурова и другихъ, назначенному къ слушанію въ концѣ апрѣля, былъ отложенъ на недѣлю. Всѣ помнятъ также, что приговоръ Сабурова къ смертной казни вовсе не вытекалъ изъ данныхъ, выяснившихся на судѣ. Вотъ объясненіе этихъ фактовъ. Графъ почему-то увѣрился, что Сабуровъ есть убійца Мезенцова. Незадолго передъ судомъ

диктаторъ лично явился къ Сабурову и долго вилялъ передъ нимъ своимъ мягкимъ лисьимъ хвостомъ, всячески убѣждая его открыть свое настоящее имя. Графъ обѣщалъ помилованіе, обѣщалъ сохранить тайну имени, говорилъ о своемъ великодушіи, оцѣненномъ даже въ Европѣ. А когда Сабуровъ остался непоколебимъ, графъ оставилъ лисій хвостъ въ покоѣ и разинулъ волчій ротъ. Онъ объявилъ Сабурову напрямикъ, что онъ будетъ повѣшенъ. На другой день къ Сабурову явился Черевинъ, подтверждая и просьбу и угрозу принципала. Въ концѣ разговора онъ далъ Сабурову недѣлю на размышленіе, вслѣдствіе чего судъ и былъ отложенъ на недѣлю. Такъ какъ Сабуровъ за недѣлю не одумался, то финаломъ гнусной комедіи суда былъ смертный приговоръ, чудовищный въ юридическомъ смыслѣ, но вполнѣ соотвѣтствующій азіатской совѣсти диктатора.

Таковъ графъ Лорисъ-Меликовъ, спаситель отечества, возстановитель правды, назидатель свободы! Для этого азіата въ которомъ наивные люди хотятъ видѣть европейца, нѣтъ униженія: онъ спустится до роли палача, шпіона, политическаго шулера, онъ растопчетъ судъ, правду, жизнь, но сдѣлаетъ это такъ, что наивные люди увидятъ только мягкія движенія пушистаго хвоста...

Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Многіе вѣрятъ, что съ воцареніемъ графа Лорисъ Меликова, дѣятельность тайной и явной полиціи приняла болѣе мягкія формы. Въ дѣйствительности при графѣ происходятъ иногда вещи, до сихъ поръ неслыханныя и не виданныя. Недавно, осужденныя по дѣлу Михайлова и другихъ, Малиновская, Колѣнкина, Ольга Натансонъ и Витаньева, подверглись въ Домѣ предварительнаго Заключенія варварской и совершенно безцѣльной пыткѣ: ихъ свидѣтельствовали для осмотра особыхъ примѣтъ. Обыкновенно эту операцію надъ женщинами производятъ женщины-же. Но тутъ цѣлая свора самцовъ, состоявшая изъ членовъ Врачебной Управы и жандармовъ, набросилась на несчастныхъ женщинъ. Началось съ Натансонъ, которая незадолго передъ тѣмъ сама просила подвергнуть ее медицинскому осмотру, въ виду ея болѣзненнаго состоянія. Поэтому она сперва не протестовала, но когда

она поняла, въ чемъ дѣло, началась возмутительная сцена насилія, повторившаяся потомъ надъ Малиновской, Каленкиной и Витаньевой. Въ результатѣ Малиновская покушалась на самоубійство, о чемъ было напечатано въ газетахъ, разумѣется, съ умолчаніемъ о причинахъ. Теперь она психически безнадежно больна и отвезена въ больницу. Остальныя находятся въ состояніи сильнаго нервнаго разстройства.

Наши легальные собраты, вамъ не нравятся наши теоріи! Нравятся-ли вамъ сообщеные нами факты? Нравится-ли вамъ волчья пасть графа Лорисъ-Меликова, или вы еще не разочаровались въ его лисьемъ хвостѣ?

---

2. Еще о лисьемъ хвостѣ.

Наши легальные собраты такъ усердно восторгались земнымъ раемъ, насажденіемъ котораго занятъ графъ Лорисъ-Меликовъ, что наконецъ самъ графъ рѣшилъ выгнать ихъ изъ рая.

Такого-то числа редакторы газетъ и журналовъ были приглашены къ графу для выслушанія отеческаго наставленія. Наши собраты привыкли къ подобнымъ наставленіямъ. Они выслушивали ихъ и отъ Макова, и отъ Григорьева, не говоря о періодическихъ, канцелярски лаконическихъ письменныхъ приказаніяхъ не писать о томъ, о семъ, объ этомъ, о королѣ прусскомъ, о пирогахъ съ сигомъ, о теткѣ Варварѣ, о тверди небесной, о гадахъ земныхъ; въ особенности о гадахъ.

Приглашенія предстать предъ свѣтлыя очи министра или начальника управленія по дѣламъ печати практикуются сравнительно рѣдко, но за то въ этихъ торжественныхъ случаяхъ изъ подъ перьевъ нашихъ собратовъ выхватываются уже не тетка Варвара или какой нибудь единичный гадъ, а цѣлые отдѣлы литературы. Послѣднее приглашеніе состоялось на другой день послѣ взрыва въ зимнемъ дворцѣ, когда Григорьевъ наложилъ табу на 1) народное образова-

ніе, 2) политическія отношенія Россіи къ Германіи и 3) крестьянскіе надѣлы и переселенія.

Не удивительно, что редакція „Народной Воли" не была до сихъ поръ приглашена на эти собранія. Но мы надѣялись, что графъ Лорисъ-Меликовъ, будучи либеральнымъ чиновникомъ, а также искоренивъ крамолу, пришлетъ намъ пригласительную повѣстку. Мы ошиблись: нашего представителя не было въ пріемномъ покоѣ графа. Получивъ поэтому свѣдѣнія объ отеческомъ наставленіи графа изъ вторыхъ рукъ, мы не можемъ передать содержаніе графской рѣчи съ полнотою и точностью, тѣмъ болѣе желательными, что наши собраты, конечно, не разскажутъ публикѣ, какъ ихъ выгоняли изъ рая.

Графъ началъ съ того, чѣмъ онъ всегда начинаетъ—помахалъ пушистымъ лисьимъ хвостомъ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ о своемъ уваженіи къ печати, оказавшей столько услугъ при осуществленіи реформаторскихъ предначертаній нашего августѣйшаго вождя. Но, продолжалъ графъ, волновать общественное мнѣніе намеками на необходимость конституціи, земскаго собора или вообще какого-нибудь рѣшительнаго шага, печать отнюдь не должна. Ничего подобнаго не имѣется въ виду и не будетъ. Ему, графу, восторги печати тѣмъ непріятнѣе, что неосновательныя надежды связываются съ его именемъ. Графъ готовъ сдѣлать, что можетъ, но онъ можетъ сдѣлать немного. Онъ уже объединилъ полицію и снарядилъ сенаторскія ревизія, которыя на мѣстѣ узнаютъ нужды населенія; онъ возвратитъ земству его права, слѣдующія ему по положенію, предоставитъ печати критику правительственныхъ мѣропріятій и избавитъ ее отъ административныхъ каръ, если только печать послушается его отеческаго наставленія и по добру по здорову уберется изъ рая. Вотъ все, что графъ можетъ обѣщать.

„И за это спасибо!" подумали, вѣроятно, наши, привыкшіе къ благодарности, собраты: все таки „критика" предоставляется и по крайней мѣрѣ съ точностью обозначаются предѣлы свободнаго слова. Графъ поспѣшилъ разочаровать редакторовъ. Переходя отъ общаго къ частному, онъ взялъ со стола номеръ газеты „Молва" и прочиталъ редактору

ея, г. Полетикѣ, наставленіе по поводу какого-то фельетона, въ которомъ заключаются непочтительные отзывы о попечителѣ одесскаго учебнаго округа. „У васъ есть дѣти?“ спросилъ, между прочимъ графъ редактора. — „Есть.“ — „Такъ какъ же вы не понимаете, что подобными статьями подрываете уваженіе къ школьному начальству.“ Взялъ графъ другой номеръ „Молвы“ и прочиталъ наставленіе по поводу передовой статьи о необходимости подчинить администрацію самоуправленію. „Вы вѣдь и сами не вѣрите тому, что пишите“, закончилъ графъ. „Ваше сіятельство, возразилъ г. Полетика, я не желаю выслушивать подобные упреки.“ Графъ моментально спряталъ свой лисій хвостъ и разинулъ волчій ротъ „какъ! вскричалъ онъ, такъ я закрою вашу газету!“ Г. Полетика, съ мужествомъ, котораго мы, признаться отъ него не ожидали, — отвѣчалъ: „ваше сіятельство можете закрыть газету, можете подвергнуть ее какому угодно взысканію, но я повторяю, что не желаю слушать эти упреки.“ — „Наконецъ, я вамъ передаю высочайшее повелѣніе, чтобы подобныхъ статей больше не было,“ замялъ графъ щекотливый разговоръ и, уже не экзаменуя другихъ редакторовъ по одиночкѣ, отпустилъ ихъ.

Подводимъ итоги:

1) земной рай торжественно ликвидированъ. По собственному признанію графа Лорисъ-Меликова, рай существуетъ только личными его, графа, добрыми намѣреніями; но

2) намѣренія графа болѣе, чѣмъ скромны, а самъ онъ достаточно сильный, чтобъ закрыть газету за обнаруженіе редакторомъ человѣческаго достоинства, по собственному признанію, безсиленъ; въ виду этого:

3) въ частности предѣлы свободнаго слова остаются прежніе, потому что возбраняется свободное осужденіе даже дѣятельности попечителя учебнаго округа, а слѣдовательно, и всякого другого чиновника.

Собраты! вы рай во снѣ видѣли! Пора вставать!

—•—•—

ПРИЛОЖЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО „ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА“ КЪ АЛЕКСАНДРУ III

Ваше Величество! Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ однако себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія, выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждетъ тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми потрясеніями.

Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего, происшедшаго втеченіи послѣдняго десятилѣтія, она являлась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокій смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ личностей или хотя бы „шайки“ — можетъ только человѣкъ совершенно неспособный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіи цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, несмотря на то, что правительство покойнаго Императора жертвовало всѣмъ — свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности и даже собственнымъ [достоинствомъ — безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно всетаки упорно разросталось, привлекая къ

себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго Императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи переполнялись ссыльными. Цѣлые десятки такъ называемыхъ „вожаковъ" переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемыя для наиболѣе энергичныхъ выразителей этого процесса такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не спасла развратившійся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но вѣдь все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемыхъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности, въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣднія 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель Долгушинцевъ, Чайковцевъ, дѣятелей 74-го года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные *на-*

родники. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровиновъ, Осинскихъ, Лизогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться.

Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обострено; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбѣжности — все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершитъ этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

Чѣмъ вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше чѣмъ кто либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи — на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы при другихъ условіяхъ могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по самому своему принципу, должно только *выражать Народныя стремленія*, только *осуществлять Народную волю.* Между тѣмъ у насъ — извините

за выраженіе — правительство выродилось въ чистую камарилью и заслуживаетъ названія узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

Каковы бы ни были намѣренія государя, *но дѣйствія* правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Императорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ—эксплуататоръ; самые возмутительные грабежи остаются безъ наказанія. Но зато какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не однихъ соціалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое — правительство, охраняющее подобный „порядокъ"? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

Вотъ почему русское правительство не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ, какъ цареубійство, вызываетъ въ огромной части населянія — радость и сочуствіе! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецовъ и прислужниковъ. Цареубійство въ Россіи очень популярно.

Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція совершено неизбѣжная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или — добровольное обращеніе Верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ рево-

люцію, Исполнительный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрьте, что какъ только Верховная Власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти, — Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпіоновъ, отослать конвойныхъ въ казармы и сжечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо роднаго народа. Мирная, идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая столько обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ гражданину и честному человѣку. Надѣемся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

Мы не ставимъ Вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

Этихъ условій — по нашему мнѣнію, два:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и обще-

ственной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

Считаемъ необходимымъ напомнить однако, что легализація Верховной власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишъ тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ.

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей;

2) никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободны, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходокъ,

г) полную свободу избирательныхъ программъ.

Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

Итакъ, Ваше Величество, — рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЯТОЕ

ПИСЬМО КАРЛА МАРКСА *)

Авторъ статьи „Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго“ очевидно человѣкъ остроумный, и еслибы онъ въ моемъ положеніи, трактующемъ о „первоначальномъ накопленіи“, нашелъ хотя одну страницу въ подтверженіе своихъ выводовъ, онъ бы на нее сдѣлалъ ссылку. За отсутствіемъ таковой, онъ принужденъ былъ взять ее не изъ самой книги, а изъ полемической выходки противъ одного русскаго беллетриста, напечатанной въ приложеніи къ первому нѣмецкому изданію „Капитала“. Въ чемъ я тамъ упрекалъ русскаго писателя? А въ томъ, что онъ открылъ „русскій коммунизмъ“ не въ Россіи, а въ книгѣ нѣмецкаго статскаго совѣтника Гакстгаузена и что въ его рукахъ русская община служитъ только доводомъ въ пользу того, что побѣда панславизма принесетъ съ собой обновленіе старой гнилой Европѣ. Моя оцѣнка этого писателя можетъ быть

---

*) Въ бумагахъ покойнаго Карла Маркса оказалось письмо его,— повидимому, не отправленное — на французскомъ языкѣ, относящееся къ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ»: «Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго». Мы давно имѣли это письмо въ рукахъ, но зная, что Фридрихъ Энгельсъ передалъ его другимъ лицамъ для напечатанія на русскомъ языкѣ, воздержались отъ его публикованія. Оно до сихъ поръ въ русской заграничной прессѣ не появлялось. Въ прошломъ году оно было издано въ Россіи нашими товарищами, но большая часть изданія попала въ руки полиціи. Теперь мы получили отъ нашихъ товарищей русскій переводъ его съ просьбою напечатать, такъ какъ имъ не удалось распространить его, а оно вызвало значительный интересъ въ русской соціалистической молодежи. Считаемъ пріятной обязанностью исполнить ихъ просьбу и украсить страницы нашего журнала произведеніемъ знаменитаго соціалиста. Упоминаемые въ письмѣ русскіе писатели суть А. И. Герценъ и Н. Г. Чернышевскій.

Прим. ред. «Вѣстника Народной Воли».

справедлива, можетъ быть и ложна; но она ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать ключъ къ моимъ взглядамъ „на усилія русскихъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, какимъ шла и идетъ Западная Европа и т. д. „Въ приложеніи ко второму нѣмецкому изданію „Капитала" я съ глубокимъ, вполнѣ имъ заслуженнымъ уваженіемъ, говорю о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ". Этотъ ученый въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ рѣшалъ вопросъ о томъ, должна-ли Россія начать съ разрушенія сельской общины, переходя къ капиталистическому строю (какъ хотятъ либеральные экономисты) или напротивъ, она можетъ усвоить всѣ плоды этого строя, не переживая сопряженныхъ съ нимъ мученій и развиваясь сообразно своимъ собственнымъ историческимъ даннымъ. *Самъ онъ высказывается за послѣдній исходъ.*

Такимъ образомъ, мой почтенный критикъ имѣлъ по крайней мѣрѣ столько-же основаній изъ этого отзыва о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ" сдѣлать выводъ, что я раздѣляю его взгляды на этотъ вопросъ, сколько и заключить изъ моей полемики противъ русскаго „ беллетриста" и панслависта, что я съ ними не согласенъ.

Наконецъ, такъ какъ я не люблю оставлять ничего не досказаннаго, скажу безъ оговорокъ: для того, чтобы съ увѣренностью судить о ходѣ экономическаго развитія современной Россіи, я выучился по русски и въ продолженіи (многихъ?) лѣтъ изучалъ оффиціальные и другіе имѣющіеся въ печати источники по этому вопросу. Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти путемъ избраннымъ ею послѣ 1861 года, она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ вещей давалъ народу для минованія всѣхъ перепетій капиталистическаго строя. Въ главѣ о „первоначальномъ накопленіи" я хочу только нарисовать тотъ путь, какимъ въ Западной Европѣ капиталистическій строй вышелъ изъ нѣдръ феодально-экономическаго строя. Въ ней, слѣдовательно, прослѣженъ тотъ ходъ историческихъ событій, которымъ производитель былъ оторванъ отъ орудій производства, при чемъ первый превратился въ наемнаго

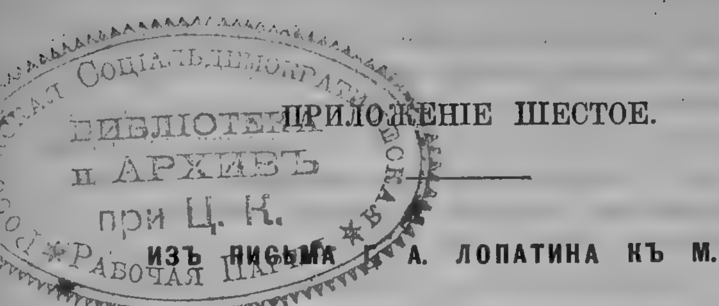
рабочаго (пролетарія въ современномъ смыслѣ слова), а послѣднія въ капиталъ. Въ этой исторіи каждый переворотъ составляетъ эпоху, служа рычагомъ развитія организующагося класса капиталистовъ; главную-же основу такого развитія составляетъ экспропріація земледѣльцевъ. Въ концѣ главы я говорю объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія, утверждая, что его послѣднимъ словомъ будетъ превращеніе капиталистической собственности въ собственность соціальную. Въ этихъ заключительныхъ строкахъ главы я не привожу никакихъ доказательствъ въ пользу сдѣланнаго утвержденія по той простой причинѣ, что само оно ничто иное, какъ общій выводъ длиннаго ряда разсужденій о капиталистическомъ производствѣ. Какое же примѣненіе къ Россіи могъ извлечь мой критикъ изъ этого историческаго очерка? Только слѣдующее: если Россія стремится сдѣлаться капиталистической страной на подобіе Западной Европы (а она въ послѣдніе годы надъ этимъ довольно потрудилась), то ей не достичь этого безъ предварительнаго превращенія доброй части своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; послѣ-же этого, разъ попавши подъ ярмо капиталистическаго режима, ей придется подчиниться неумолимымъ законамъ капитализма наравнѣ съ другими непосвященными націями. Вотъ и все!

Но этого мало для моего критика. Ему угодно было мой эскизъ о происхожденіи Западно-Европейскаго капитализма превратить въ цѣлую историко-философскую теорію общаго историческаго пути народовъ, роковымъ образомъ предначертаннаго для каждаго изъ нихъ, каковы-бы ни были условія его историческаго бытія, дабы, наконецъ, привести его къ экономическому порядку, который, рядомъ съ наибольшимъ развитіемъ производительныхъ силъ общества, обезпечивалъ бы наиболѣе цѣльное развитіе человѣка. Но я прошу извинить меня: такое толкованіе для меня въ то же время и слишкомъ почетно, и слишкомъ постыдно.

Возьмемъ примѣръ. Въ разныхъ мѣстахъ „Капитала" я упоминалъ о судьбѣ, постигшей плебеевъ древняго Рима. Они первоначально были свободными крестьянами, обрабатывавшими каждый на свой счетъ принадлежавшіе имъ

участки земли. Въ теченіи римской исторіи они были обезземелены. Тотъ-же ходъ вещей, который отнялъ у нихъ орудія производства и средства существованія, повлекъ за собой образованіе не только крупной поземельной собственности, но еще и большихъ денежныхъ капиталовъ. Въ одинъ прекрасный день все общество оказалось распавшимся съ одной стороны на свободныхъ людей, лишенныхъ всего кромѣ своей рабочей силы, а съ другой — на эксплуататоровъ этой силы, владѣтелей всѣхъ пріобрѣтенныхъ богатствъ. Что-же случилось? Римскіе пролетаріи сдѣлались не наемными рабочими, а тунеядцами, болѣе похожими на вещь, чѣмъ „бѣлые бѣдняки" южныхъ штатовъ Сѣверной Америки, а рядомъ развилось производство не капиталистическое, а рабовладѣльческое. Такъ изъ явленій поразительно аналогичныхъ, но происходившихъ при различныхъ историческихъ условіяхъ, получились совершенно различные результаты. Изучая каждый изъ этихъ результатовъ порознь и затѣмъ сравнивая ихъ между собою, легко найти разгадку этихъ явленій, но этой разгадки не найдешь помощью всюду подходящаго ключа, въ образѣ какой-нибудь историко-философской теоріи, высшая заслуга которой заключается въ ея, такъ сказать, сверхисторичности.

Карлъ Марксъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ИЗЪ ПИСЬМА Г. А. ЛОПАТИНА КЪ М. Н. *)

Лондонъ. 20-го сентября.

...Не могу не подѣлиться съ Вами результатомъ моего перваго свиданія съ Энгельсомъ, думая, что нѣкоторыя изъ его мнѣній будутъ пріятны для Васъ.

Мы много говорили о русскихъ дѣлахъ, о томъ, какъ пойдетъ, вѣроятно, дѣло нашего политическаго и соціальнаго возрожденія. Какъ и слѣдовало ожидать, сходство взглядовъ оказалось полнѣйшее; каждый изъ насъ то и дѣло договаривалъ мысли и фразы другого. Онъ тоже считаетъ (какъ и Марксъ, какъ и я), что задача *революціонной* партіи или партіи *дѣйствія* въ Россіи въ данную минуту не въ пропагандѣ новаго соціалистическаго идеала и даже не въ стремленіи осуществить этотъ далеко еще не выработанный идеалъ съ помощью составленнаго изъ нашихъ товарищей временнаго правительства, а въ направленіи всѣхъ силъ къ тому, чтобы 1) или принудить государя созвать Земскій Со-

---

*) Это письмо нашего дорогого товарища Г. А. Лопатина относится къ 1883 году, т. е. ко времени, предшествовавшему его первой поѣздкѣ въ Россію послѣ бѣгства изъ Вологды. Лицо, къ которому было адресовано письмо, не считало до сихъ поръ себя въ правѣ воспользоваться имъ, такъ какъ Г. А. передавалъ свой разговоръ съ Фридрихомъ Энгельсомъ не для опубликованія. Теперь-же, получивъ отъ Фридриха Энгельса разрѣшеніе напечатать этотъ разговоръ, мы дѣлаемъ это тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что вопросы въ немъ затрогиваемые остаются и теперь такими же животрепещущими для каждаго русскаго соціалиста. Слова уважаемаго друга Карла Маркса по отношенію къ Народной Волѣ составляютъ немаловажный историческій документъ среди мнѣній о дѣятельности русскихъ революціонеровъ, которая вызываетъ до сихъ поръ далеко не всегда вѣрную оцѣнку.

Прим. редакціи сборника «Съ родины на родину».

боръ, 2) или-же путемъ устрашенія государя и т. п. вызвать такіе глубокіе безпорядки, которые привели-бы иначе къ созыву этого Собора или чего-либо подобнаго. Онъ вѣритъ, какъ и я, что подобный соборъ *неизбѣжно* приведетъ къ радикальному, не только политическому, но и соціальному переустройству. Онъ вѣритъ въ громадное значеніе избирательнаго періода, въ смыслѣ несравненно болѣе успѣшной пропаганды, чѣмъ всѣ книжки и сообщенія на ухо. Онъ считаетъ невозможной чисто либеральную конституцію, безъ глубокихъ экономическихъ перестроекъ, и потому не боится этой опасности. Онъ вѣритъ, что въ *фактическихъ* условіяхъ народной жизни накопилось достаточно матеріала для перестройки общества на новыхъ началахъ. Конечно, онъ не вѣритъ въ моментальное осуществленіе коммунизма или чего-либо подобнаго, но лишь того, что уже назрѣло въ жизни и въ душѣ народа. Онъ вѣритъ, что народъ съумѣетъ найти себѣ краснорѣчивыхъ выразителей своихъ нуждъ и стремленій и т. д. Онъ вѣритъ, что, разъ начавшись, это переустройство, или революція, не можетъ быть остановлена никакими силами. Важно поэтому только одно: разбить роковую силу застоя, выбить на минуту народъ и общество изъ состоянія косности и неподвижности, произвести такой безпорядокъ, который принудилъ-бы правительство и народъ заняться внутреннимъ переустройствомъ, который всколыхнулъ-бы спокойное народное море и вызвалъ бы всенародное вниманіе и всенародный *энтузіазмъ* къ дѣлу полнаго общественнаго переустройства. А результаты явятся сами собою, и именно тѣ, которые возможны, желательны и осуществимы для данной эпохи.

Все это чертовски кратко, но обстоятельнѣе я теперь писать не могу. Къ тому же все это, быть можетъ, не вполнѣ понравится Вамъ, а потому спѣшу передать Вамъ съ буквальной точностью другія его мнѣнія, которыя очень лестны для русской революціонной партіи. Вотъ они:

«Все зависитъ теперь отъ того, что будетъ сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ въ Петербургѣ, на который устремлены нынѣ глаза всѣхъ мыслящихъ, дальновидныхъ и проницательныхъ людей цѣлой Европы».

«Россія, это — Франція нынѣшняго вѣка. Ей законно и правомѣрно принадлежитъ революціонная иниціатива *новаго* соціальнаго переустройства».

«... Гибель царизма, уничтоживъ послѣдній оплотъ монархизма въ Европѣ, упразднивъ «агрессивность» Россіи, ненависть къ ней Польши и многое другое, поведетъ къ совершенно иной комбинаціи державъ, разшибетъ въ дребезги Австрію и вызоветъ во всѣхъ странахъ могучій толчекъ въ сторону внутренняго переустройства *).

«... Едва-ли Германія рѣшится воспользоваться русскими безпорядками, чтобы двинуть свои войска въ Россію для поддержанія царизма. Но если-бы она сдѣлала это, тѣмъ лучше. Это было-бы гибелью ея нынѣшняго правительства и началомъ новой эры. Присоединеніе къ ней балтійскихъ провинцій безсмысленно и неосуществимо. Подобные захваты противоположныхъ (?) или прилежащихъ узкихъ побережій и клочковъ и получившіяся отсюда нелѣпыя формы государствъ были возможны только въ XVI и XVII вѣкахъ, а не теперь. Къ тому-же ни для кого не тайна, что нѣмцы составляютъ тамъ ничтожное реакціонное меньшинство».

---

*) Здѣсь — очевидно, по конспиративнымъ соображеніямъ, теперь уже потерявшимъ свое значеніе, — редакція сборника «Съ родины на родину» опустила интересное мѣсто, содержащее тактическій совѣтъ Энгельса относительно дальнѣйшаго направленія террористической борьбы:

«*Мнѣ кажется*, что по части «устраненій», надо направлять всѣ силы на «барина»: или его, или никого. Послѣ 1-го Марта, все остальное было бы слишкомъ мелко».

Опущено также слѣдующее мѣсто изъ рѣчей Энгельса относительно германской соціальдемократіи:

«Нѣмцы совершенно лишены революціонной *иниціативы*. По своему, дѣло идетъ у нихъ прекрасно. Но ждать отъ нихъ почина нечего. Они могутъ быть подтолкнуты на революціонный путь только дуугими народами, въ данный историческій моментъ — Россіей».

Наконецъ, въ томъ же самомъ письмѣ есть и еще одно мѣсто, опущенное, очевидно, по малозначительности:

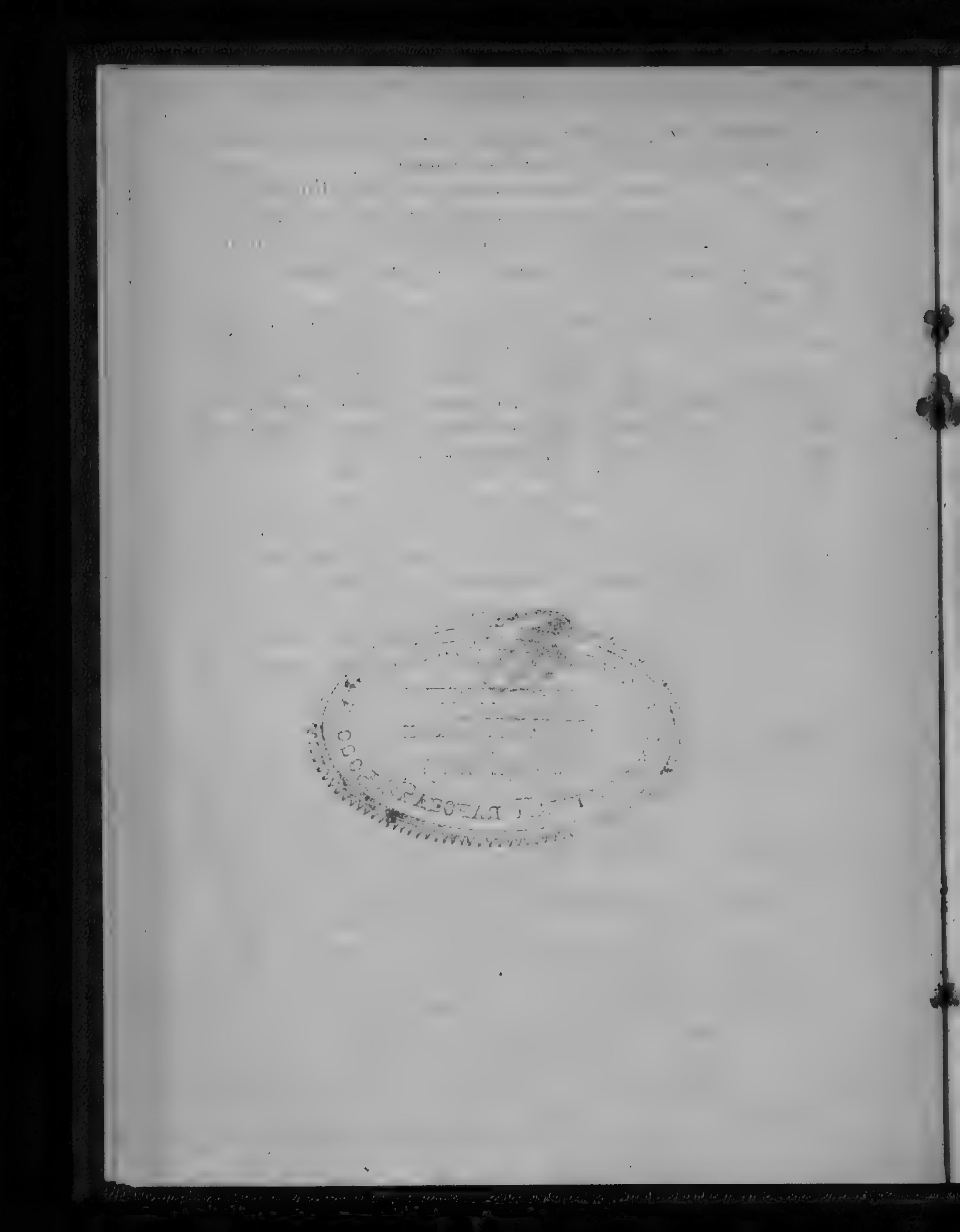
«Я говорилъ Энгельсу, что у насъ оказывается нужнымъ *доказывать*, что Марксъ не былъ *противъ* политической дѣятельности. Онъ не мало смѣялся этому — и передалъ мнѣ, къ слову, нѣсколько другихъ подобныхъ же курьезовъ».

(Прибавляю этотъ пунктъ для Ю. П. въ виду ея ультра-патріотическихъ мнѣній по этому пункту).

«И я, и Марксъ находимъ, что письмо Комитета къ Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума».

Надѣюсь, что все это достаточно лестно и пріятно для Васъ, и что Вы поблагодарите меня за эти строки? Помните, я говорилъ, что самъ Марксъ никогда не былъ марксистомъ? Энгельсъ разсказывалъ, что во время борьбы Брусса, Малона и К° съ другими Марксъ говорилъ смѣясь: «могу сказать только одно: что *я не марксистъ!*»...

ИЗДАНІЯ
Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ и Аграрно-Соціалистической Лиги.
(НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА)

		экз.
1.	Какъ министръ заботится о крестьянахъ. три изданія.	14.000 „
2.	Какъ венгерскіе крестьяне боролись за свои права.	1.000 „
3.	Крестьянскіе союзы въ Сициліи. 2 изд.	12.000 „
4.	Бесѣды о землѣ. 2 изданія	12.000 „
5.	Разсказы изъ русской исторіи, ч. I. 2 изд.	7.000 „
6.	Долой полицію	4.000 „
7.	Воля царская и воля народная, 2 изд.	14.000 „
8.	Голодъ и самодержавіе.	4.000 „
9.	Царское правительство и рабочій народъ.	10.000 „
10.	За вѣру, царя и отечество. Разсказъ Ивана Вольнаго.	10.000 „
11.	За Волю и Землю	10.000 „
12.	Сказаніе о несправедливомъ царѣ. Ф. Волховскаго	10.000 „
	То же на украинскомъ языкѣ	5.000 „
13.	Разсказы изъ русской исторіи. ч. II.	10.000 „
14.	Воры и разбойники на казенной службѣ.	7.000 „
15.	Какъ мужикъ у всѣхъ въ долгу остался. Ф. Волховскаго	10.000 „
	Очередной вопросъ революціоннаго дѣла въ Россіи. Изданіе 1-ое и 2-ое по	1.000 „

Изданія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1.	Реформа Ванновскаго.	2.000 экз.
2.	19-ое февраля. *	2.000 „
3.	Вторая Воля. *	2.000 „
4.	Долой самодержавіе!	3.000 „
5.	Красное знамя (первомайскій сборникъ).	5.000 „
6.	О податяхъ и налогахъ. *	2.000 „
7.	Отчего студенты бунтуютъ? *	1.000 „
8.	Откуда пошло крестьянское разоренье? *	500 „
9.	Царь-Голодъ.	10.000 „

*) Отмѣченныя звѣздочками изданія напечатаны въ Россіи

10. Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи (Изд. Кр. Союза). 5.000 „
11. Неужели такъ надо? * 2.000 „
12. Ко всему русскому крестьянству. (изд. Крест. Союза) 1-ое и 2-ое изд. 20.000 „
13. Террористическій элементъ въ нашей программѣ. 5.000 „
14. Памяти С. В. Балмашева. 5.000 „
15. Батумская бойня. 10.000 „
16. Эволюція русской соціалистической мысли. 2.000 „
17. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. 1.000 „
18. Несправедливое устройство русскаго государства. (Изд. Крест. Союза) 10.000 „
19. Помогайте вольной печати. 3.000 „
20. Демонстранты передъ судомъ. 5.000 „
21. Солдатскій подвигъ. Разск. К. Миронова. 10.000 „
22. Къ крестьянскому вопросу. А. Рудина. 2.000 „
23. Ростовскія событія. 5.000 „
24. Обвинительный актъ по дѣлу Балмашева. 3.000 „
25. Почему стрѣляли въ Харьк. губернатора. * 3.000 „
26. Липочка-поповна, повѣсть. 20.000 „
27. С. М. Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ. Л. Шишко 2.000 „
28. Новое крѣпостное право. 5.000 „
29. Кризисъ и безработица. 5.000 „
30. На работѣ, разсказъ К. Миронова 5.000 „
31. За хлѣбъ и землю! 5.000 „
32. Хитрая механика. 10.000 „
33. С. Л. Перовская. 5.000 „
34. Къ солдатамъ отъ рабочихъ социал.-револ. 10.000
35. А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи, съ прим. Л. Шишко. Вып. I и II по 5.000 „
36. „Кончился". Разсказъ П. Поливанова. 10.000 „
37. Н. И. Кибальчичъ. 5.000 „
38. Царская милость. (По поводу маниф. 23 фев.) 5.000 „
39. Соціализмъ и I-ое мая. 5.000 „
40. „Ничего съ нами не подѣлаешь". Пов. С. Некрасова. 10.000 „
41. Что говорятъ соціаль-демократы „деревенской бѣднотѣ" А. Рудина. 5.000 „
42. По вопросамъ программы и тактики. Вып. I. 10.000 „
43. Дворянскій царь. *
44. Слово о правдѣ.*
45. Вандервельдъ о марксизмѣ. . . . . 5.000 „
46. Какъ смотрятъ с.-д. и с.-р. на крест. вопр. 5.000 „
47. Почему армяне «бунтуютъ». Ф. Волховскаго. 7.000 „
48. Фрума Фрумкина . . . . 3.000 „

